

Друнь

Олег Лёвин

2025-09-24

Contents

В течение нескольких дней до отъезда из Минска Кастусю Карновскому снился один и тот же сон, который он видел будто сквозь туман. В этом сне он находился в окрестностях родного города Друни, у дома под дубом. Видел также девушку в черном платье, совершенно ему не знакомую в его прежней, друньской, жизни. Видел также девушку в черном платье, совершенно ему не знакомую в его прежней, друньской, жизни. Лица ее он не мог различить, но ему казалось, что она улыбается и манит его к себе, показывая рукой на что-то позади себя. Он следует за ней, в точности повторяя ее собственные движения, но попытки догнать ее остаются тщетными: всякий раз, почти приблизившись к ней и уже готовясь схватить незнакомку за руку, он обнаруживает, что она снова далеко от него, но в то же время ближе к лесу. Лес не обозначается в его собственном поле зрения, но он чувствует его осязаемую плотность как явление в персональном сознании ума.

И тут Кастусю становится ясно, что не девушка манит его, в этот не осязаемый и первоначально никак не обозначившийся лес. А сам лес. И, когда нужно сделать последний шаг, девушка вдруг растворяется в воздухе, а лес затягивает его внутрь. В этот момент он обычно просыпался. В холодном поту, с дрожью в коленках. Пугало не то, что снилось, а ужасающая повторяемость из ночи в ночь одного и того же сюжета. Настораживало также то, что этот сон был слишком реалистичен, как будто Кастусь переносился в другое место и во всем присутствовал как бы со стороны, не участвуя, но понимая, что там, в лесу, исчезает именно он. Обычно Кастусь больше заснуть не мог. За окном вставало солнце, отблески его холодных лучей проникали сквозь жалюзи штор в комнату, и предметы отбрасывали уродливые тени, усиливая и без того тревожное настроение Кастуся. В полутьме он ощупывал

постель, думая, что жена его, Люся, еще здесь, но потом вспоминал, что с ней они уже как три года развелись, и теперь ее ласкает и спит с ней совсем другой мужчина, а ему остается лишь бесполезная сила его собственной потенции. Уход Люси потряс его до глубины души, оставив неизгладимый отпечаток на всем его облике: он исхудал, осунулся, глаза его померкли, а главное, он перестал писать книги. Теперь он перебивался мелкими заработками в разных «желтых» газетах, составляя для них кроссворды и репортажи с конференций толстух или съездов близнецов. С того времени как он написал свой первый и последний роман, принесший ему славу и признание, удача покинула его, а вместе с ней и Люся. Впрочем, с годами боль утраты притупилась, он смирился со своим положением, душа как будто успокоилась, и Кастусь тихо жил. Однако сны вывели его из равновесия. Кастусь шел в ванну, включал кран, омывал лицо холодной водой, смотрел в зеркало, всякий раз повторяя одну и ту же фразу: «Я Кастусь Карновский». Это взбадривало его, как будто он называл кому-то невидимому идентификационный код, обозначающий присутствие его личности в этом мире. Он одевался, завтракал и отправлялся на работу в редакцию небольшой газеты, расположенной за три квартала от его дома. Всегда пешком, полагая, что так будет лучше для здоровья. По дороге Кастусь вспоминал Друнь – город, в котором он вырос, где закончил школу и про который написал роман. Друнь расположена на северо-западе страны, в небольшой котловине, окруженной лесом, чуть в стороне от основной трассы, ведущей в Европу. Небольшой, тихий городишка, основанный в XVI веке Радзивиллами. Центр его – торговая площадь, обрамленная старыми одноэтажными домами. В восточной части площади, за сквером, огромный костел и маленькая церковь, расположенные друг против друга и разделенные, как границей, дорогой. Эта черта-дорога от костела спускалась вниз и мимо пруда, образованного запруженной в этом месте небольшой речушкой Турьянкой, вела к дворцу князей Соколовских. Дворец, великолепное двухэтажное здание, построенное в XVIII веке, был окружен вековыми тополями, а дубовая аллея от центрального входа уходила в глубь старинного парка.

Образы старой Друни вставали перед мысленным взором Кастуся на всем протяжении его пути от дома до редакции. Мысленно он устремлялся в те места, которые ему были особенно дороги. Через старый парк можно было выйти на дорогу, выводящую всякого путника к шоссе, но Кастусь никогда не следовал по ней, а, свернув недалеко от деревни Пляты, переходил по мосту ручей Турьянка и вступал на

старинный мощный камнем шлях, проложенный по косогору вдоль ручья примерно в полукилометре от него.

Поверхность полей в окрестностях Друни почти девственна, плуг пахаря никогда не касался ее, казалось, никакое семя не прорастет в этой желтоватой земле, покрытой коростой жесткой травы. Грань, отделяющая суровую девственность этих мест от радости оплодотворенной жизни, проходила на севере по реке Турьянке. Мир Друни был замкнут лесом, пространством полей, валунами. Сама Друнь - центр этого мира или загнанный в угол монстр, с опаской поглядывающий в сторону леса, который хранил тайну его происхождения и знал его судьбу. Деревушки, попадавшие в круг влияния города, были немногочисленны и очень малы. Как правило, их населяли потомки пришельцев с запада, - смиренные, запуганные, отчасти знавшие тайны леса и ненавидящие Друнь. У них не было выбора: предки не оставили им его, поселившись в круге Друни много веков назад. Они как будто попали в паутину, из которой им не суждено было выбраться.

Кастусь медленно шел по дороге, неотвратно приближаясь к Лесу Ночной Стражи, и, оказавшись там, он с опаской пробирался сквозь него, прислушиваясь к тревожной тишине и ощущая приторный запах разлагающейся плоти трав и опавших листьев. Он останавливался на просеке и явственно чувствовал все запахи леса, ощущал мельчайшие, самые тонкие оттенки его и слышал голос, нежный и ласковый, обращенный именно к нему. Он не мог разобрать сказанного и, желая вникнуть, все дальше заходил в лес, постепенно погружаясь в еловый мрак и теряя связь с окружающим миром.

Всегда его мысль останавливалась именно на этом моменте. Он не мог вспомнить этих событий в реальной своей жизни, когда он еще был жителем Друни и входил в сферу ее интересов. Но мысленный этот экскурс, начиная от пробуждения, повторялся всякий раз, в течение последних нескольких недель, на его пути от дома до работы. Ему ничего не стоило поехать туда, в Друнь. И наконец Кастусь решился на это: в одно утро, резко изменив свой маршрут и не доходя одного квартала до редакции, повернул в сторону автовокзала, где сел на автобус, следующий до Гродно. Спустя два часа он был на остановке «Друнь - 1». Отсюда уже начинался лес, широким клином уходящий на восток. Кастусь какое-то время шел по дороге, отыскивая начало тропы через лес, которая выводила прямо в Долину Семи Дев, и, найдя ее, осторожно вступил на узкую дорожку, с каждым шагом ощущая, как прежние мысли и чувства снова завладевали им.

Взору предстала Долина. Заветный дом все также стоял

под дубом, лучи заходящего солнца отражались в стеклах его окон. Солнце уже опускалось за горизонт. Длинные тени, отбрасываемые соснами, указывали ту границу, которая отделяет день от ночи. Кастусь вдруг подумал о том, как будет выбираться из Долины в темноте, это на время заняло его ум, овладело сердцем, и где-то в душе зародилось чувство страха. Он решил остаться в доме переночевать. Дверь дома была заперта, но так, что легко было открыть ее: всего лишь выдернув из скобы вставленный туда сучек. Кастусь взошел на порог откуда был виден широкий коридор, часть гостиной и спальни. На всем лежал толстый слой пыли. Сумеречный свет отражался на поверхности столов, дверей, шкафов и буфетов, падал на паркетный пол. Звук скрипящих под тяжестью карновских шагов паркетных досок эхом отражался от толстых каменных стен и угасал где-то на втором этаже. Кастусь снял белый чехол с кресла, стоящего напротив окна, сел в него. Из окна открывался вид на лесной пролесок. Сидя в кресле можно было наблюдать закат, смотреть, как затухают последние лучи солнца, как кроваво полыхают над кронами деревьев отсветы заходящего светила. Кастусь закрыл глаза и представил свое прошлое, проведенное в этих местах: «Атмосфера Друни всегда была наполнена ароматом легенд и кровавых преданий. Сам воздух города, казалось, пронизан отзвуками давних событий. Кривые узкие улочки, маленькие дома с тупиковыми и проходными дворами, арками, стреловидными окнами, мрачный силуэт костела св. Терезы, возвышавшийся над городом, бесконечно длинный корпус из серого камня, некогда принадлежащий монахам-пиарам, - все это настраивало на созерцательность и даже несколько пугало.

Само название города происходило от имени древней литовской богини Друникене, культ которой имел место только в самой Друни и ее окрестностях. Никто теперь толком не мог объяснить суть этого культа и перечислить основные функции богини, но друняни с некоей затаенной гордостью всегда говорили, что одними из последних приняли христианство. Так ли это? Кто знает. Однако бесспорным фактом является то, что первый правитель города из рода князей Соколовских, назначенный сюда королем отличался завидным рвением в деле христианского просвещения Друни. Он строил церкви, фундавал монастырю пиаров, открывал школы. Так утверждали официальные хроники, а сами горожане всегда упорно держались своей собственной версии, по которой князь просто казнил всех, кто противился его воле, за что и был наказан Друникене, поразившей его смертельным недугом. Друняне также держались мнения, что богиня не исчезла с приходом

христиан - она просто переселилась в лес, окружающий Друнь, и там ей служил самый верный ее сторонник, колдун, по прозвищу Ярун, и семь его дочерей-дев. Говорили, что слуги князя много времени потратили, чтобы найти логово Яруна, но тщетно. Много легенд ходило о красоте дочерей Яруна, которые, как утверждали, никогда не старели. И вот семь отважных рыцарей из Германии и Франции поклялись, что обязательно найдут дочерей Яруна и сделают их своими наложницами. Много дней и ночей провели они в лесу, испытывая всякие страхи, искушения, опасности, и однажды выследили Яруна. Темной ночью у ельника, который назывался Лес Ночной Стражи, они устроили засаду, где поджидали Яруна и семь его дочерей. Они знали, что ровно в полночь этой дорогой Ярун возвращается от жертвенника, совершив жертвоприношение богине. Рыцари напали на него в тот момент, когда он вместе с дочерьми проходили через долину мимо леса. Каково же было их удивление, когда в лице девиц они обнаружили храбрых и умелых воительниц! Всю ночь длилась битва, и в ней лишились жизни пять рыцарей, но и все девы погибли. Сам Ярун, израненный и едва живой, был повешен на старом вязе, росшем посреди поля. Утром жители соседней с долиной деревни Данилишки нашли трупы девиц, но было их не семь, а шесть. Тело самой младшей из них, Адели, бесследно исчезло, а долину с тех пор стали называть Долиной Семи Дев». Ночь разбудила Кастуся, или просто он очнулся от забытья, в которое на время впал. Ему казалось, что мозг его все это время бодрствовал, проецируя перед мысленным взором все, что знал он раньше. Сюжет о семи девах был положен в основу его романа. Он дополнил его массой подробностей, где-то придуманных, а где-то услышанных от разных людей. Рассказывали, что раз в десять лет, в июне, Долина расцветивается красными цветами, распускающимися все свои бутоны вдруг, сразу, все вместе и отцветающими в несколько дней. Долина в эти дни приобретала алый цвет, как будто огромная лужа крови разливалась по ней. И вот однажды Кастусь увидел, как цветут эти растения. Как-то вечером он как всегда покидал Долину и ничего примечательного не заметил, а утром посетив ее снова, замер на месте, созерцая перед собой огромное поле заполненное красными цветами. То был клевер, но никогда прежде Кастусь Карновский не видел, чтобы бутончики этого цветка приобретали такой необычный цвет.

Ночь продолжала свой бег. Сменялась одна ее фаза другой: скрылась луна за горизонтом, исчезли тени, спустился туман, тут же растворившийся в корнях деревьев, ночная птица филин совершила стремительный бесшумный бросок и схватила

свою очередную жертву. В тот момент, когда забрезжил рассвет, новое видение посетило воспаленный ум Кастуся. Ему привиделась школа.

«О ней у Карновского сохранились самые гадкие воспоминания. В школе ни с кем из учителей, кроме Марии Петровны, у него отношения не сложились. Все учителя считали его хитрым и проницательным подлюгой. Не сложились отношения и с одноклассниками. Он существовал в классе на положении парии, хотя всеми силами всегда отстаивал свою независимость, и его в некотором роде опасались, считая, что он псих. Кирилл в классе дружил только с Лявоном Смуткевичем, да и то, сложно было назвать это дружбой, так как Лявон при всяком удобном случае предавал его, переходя на сторону карновских недоброжелателей. Единственной отдушиной в той прошлой беспросветной школьной жизни были уроки русской литературы, которая вела обожаемая им Мария Петровна Столярчук. Она появилась в школе, когда Кирилл учился в 9-м классе, и преподавала у них два года. Мария Петровна только что окончила институт, приехала в Друнь вместе со своим мужем, военным летчиком. Уроки ее проходили необычно, она обращала внимание на то, что не принято было обсуждать с шестнадцатилетними подростками, будила в них странные желания и будоражила их фантазию. Ее уважали, но по-настоящему любил, пожалуй, только Кирилл. Он сам этого не осознавал, но Мария Петровна это остро чувствовала и почему-то выделяла его среди других учеников. Он не раз бывал у нее дома, иногда заставлял ее мрачного неприветливого мужа и всякий раз жалел, что он не на его месте. Она давала читать ему Набокова и Пастернака, Шадеро де Локло и маркиза де Сада, Даниила Андреева и преподобного Исаака Сирина, а потом они вместе обсуждали то, что казалось им важным. Кирилл всегда с недетским любопытством рассматривал ее вблизи, как бы пытаясь для чего-то навеки запечатлеть ее образ в своем сердце, а она, краснея под его взглядом, терпеливо объясняла ему, почему его чувства не должны переходить определенных границ. Кастусь не понимал тогда, что зреет в нем, и что переполняет его, и почему такой трепет вызывает одно созерцание ее рук, шеи, груди. Много позже, уже будучи зрелым человеком, он осознал, что Мария Петровна для чего-то специально подогревала в нем это чувство, но при этом всегда держала его на расстоянии не позволяя переступить ту черту, которая отделяла отношения учительницы и ученика от отношений любовников. Она действительно была его учительницей, подлинной, вводившей его в мир желаний и грез, где так сложно различить где добро и зло, но она пыталась

учить его различать это, как будто готовя к чему-то».

Забрезжило утро. Медленно, из-за горизонта, над лесом вставало солнце. Его лучи уже проникали в комнаты дома, а лес все также оставался темной сплошной массой, как-будто все еще пребывая во власти ночи. Скрипнула дверь и в комнату вошел мужичек, один из данилишкинских жителей. Он был сед и худ, растерянно мял картуз в руке, но в нем не было и капли подобострастия или лакейства.

- Чего-нибудь изволите, хозяин? - Спросил он. Кастусь не удивился такому обращению, но все же уточнил:

- Почему ты называешь меня хозяином?

- Потому что вы вошли в этот дом и провели в нем ночь.

- Разве это что-то значит?

- Для вас или для нас быть может и нет. Но мир полон неразгаданных знаков и для кого-то этот знак важен. А я просто выполняю то, что делали все в нашем роду - служу хозяевам этого дома. Кастусь встал, молча посмотрел на мужичка, разглядывая с интересом его одежду, замысловатую вышивку на рубахе, широкий пояс. Он снова подивился тому, что, наверное, только в Друни и ее окрестностях, даже несмотря на начало XXI в., все еще почему-то упорно держаться за какие-то народные элементы в одежде, быте, разговоре, манере поведения.

- Что же я не прочь и позавтракать. - Решил Карновский и слуга покорно склонив голову удалился.

Вскоре Кастусь, сидя за большим круглым столом, завтракал. Тем что было обычно для крестьян этих мест: шмат сала, кулеш, такой густой и смачный, что казалось он таял во рту, крынка молока с большой краюхой печеного хлеба. Такого хлеба как в Друни Кастусь никогда и нигде не ел. Мужичек прислуживал ему, подавая блюда, одно за другим и каждый раз повторяя одну и ту же фразу на местном наречии: «Друникене, патрабуе ахвяры».

Трапеза была завершена и Кастусь, поблагодарив слугу, отправился в город. Он шел по грунтовой дороге вдоль леса. Таинственная чернота его манила Карновского, прохлада веяла из глубины и Кастусь, не преодолев соблазна, ступил на узкую лесную тропинку. Он сразу был захвачен атмосферой лесной жизни, как будто услышал разговор деревьев и зверей. Воздух сделался пряным и густым, так сладостно ощущались все его запахи. Листва шуршала под ногами, маленькие зелененькие листочки кислицы, ковром устилали землю и щебетанье птиц

наполняло все окружающее музыкой. Но с каждым шагом, приближающим его к центру леса, Кастусь все яснее и яснее слышал один, такой знакомый голос, давно забытый в городе, но здесь, снова овладевающие его разумом. Ноги вели сами, находя дорогу, теряющуюся в зарослях крушины. Кастусь не сопротивлялся, тому, что вдруг овладело им, он вновь ощутил сладость желаний, когда умом ты понимаешь что нужно противиться им, но ничего не делаешь, потому что неведомое, таинственное, что может открыться тебе, как некое откровение, кажется таким прекрасным, даже если в итоге оно окажется ужасным, но это будет священный, сладостный ужас. Голос, который он слышал, был тих, но он понимал каждое слово. Кастусь в своем далеком прошлом, как он часто говорил «до книги», часто слышал этот голос, в особенности если он оказывался в этих лесах или сидел в одиночестве под деревом в поле. Он никому не рассказывал об этом, хотя почти все записывал в толстую черную тетрадь. Ему казалось все это так необычно, что он воображал себя проповедником нового учения и хотел потом рассказать о записанном всем, чтобы преобразить мир, сделать его чище, лучше. Однажды проходя мимо маленькой церкви, по какому-то наитию или движимый внезапным порывом он переступил порог храма и, оказавшись внутри, оробел. Блеск золоченого иконостаса ослепил, запах, царящий в церкви, не был похож ни на что, и Кастусю, даже не с чем было его сравнить. Впрочем, Карновский недолго стоял растерянно озираясь, его заметил немолодой священник, некоторое время безмолвно его созерцавший, будто решаясь на что-то или пытаясь узнать в нем самые сокровенные мысли.

- Вы пришли в храм? – Наконец спросил он.

- А разве это запрещено. – С некоторым вызовом ответил Кастусь, думая, что в интонации священника было нечто осуждающее его. Едва ли это было правдой, просто пастырь был несколько утомлен и от этого выглядел раздраженным. Священник сошел к Кастусю, взял его под руку и подвел к Голгофе, где с двумя печальными фигурами Марий по обе стороны был распят Христос. Казалось, что две эти женские фигуры не просто стояли рядом, а были сораспяты.

- Ему вы можете рассказать все. - Объяснил священник.

- Я слышу голоса. – Вдруг стал откровенным Кастусь.

- Голоса или голос? – Уточнил священник.

- Голоса.

- Это нормально. Важно разобраться в том, от кого они.

Священник оставил Карновского одного, наедине с Христом, а в церкви воцарилась тишина. И в тот момент Кастусь решил, что отдаст предпочтение самому ясному голосу, тому который хотя и тихо, но звучит в самом сердце. И отдавшись ему он испытал невероятное блаженство, как будто растворившись в стихиях мира и вобрав в себя все что его окружало: поля, леса, деревья, травы, камни. Все вдруг ожило и стало одухотворенным, приобрело некий высший смысл и предназначение. Теперь он слышал только один голос, твердый, ясный, в самом сердце и ничто не могло заглушить его. Тогда он отдался новому чувству без оглядки, не разбираясь ни в чем и особенно ни о чем не задумываясь. Тем более что в тот момент на него снизошло вдохновение, и он начал писать роман о прошлом Друни. И все так складно выходило, как будто кто-то, кого он принял в свое сердце, водил его рукой. Эта книга принесла ему славу и успех, эта книга сделала ему имя, но оказавшись вне Друни, Кастусь перестал слышать голос и сам стал чахнуть, теряя все то, что приобрел ранее. Ему представлялось, что какая-то пуповина связывает его с Друнью и вот теперь она отрезана и он медленно умирает. Тогда-то и стал сниться один и тот же сон. Утратив ощущения сопричастности миру Друни Карновский инстинктивно чувствовал, что она все же помнит его и теперь настойчиво зовет назад, обрубая безжалостно все его связи с внешним миром.

Другие чувства и ощущения охватили его, и они усиливались по мере того, как он все дальше продвигался по Долине к тому месту, где она выходила к самому гребню холма, названного им Гребнем Дракона. Отсюда Кастусь видел вспаханное поле и темные, смутные тени данилишкинских домов. Все было окутано мраком и ему казалось, что слышны стоны, доносившиеся со стороны Леса, но то просто завывал ветер в ветвях деревьев. Наконец, Кастусь приблизился к мосту через Турьянку и вступил на него. Яркий луч света рассеял тьму и Кастусь на мгновение очутился в Друни, своего детства. Он стоял посреди тополиной аллеи, светило солнце, радостные люди спешили куда-то, малыши играли в песочнице, а их умиротворенные мамы сидели на лавках и о чем-то беседовали. Это было как видение прежней Друни исчезнувшей в его детских снах или то что было некогда его настоящей жизнью, но почему-то ушло. Все это было только на краткий миг. Потом снова наступила ночь, и Кастусь оказался посреди аллеи из старых дубов, ведущей к дворцу графов Соколовских. Громада двухэтажного здания, выстроенного в стиле барокко, белела в конце аллеи. Только в одном угловом окошке с правой стороны дворца горел свет. Кастусь поднялся по заросшим

мхом ступеням к входу во дворец и вошел, приоткрыв тяжелую железную дверь. Пройдя через анфиладу комнат, Кастусь оказался в бальном зале и отсюда свернул в проход между колоннами к лестнице ведущей на второй этаж.

Поскрипывал старый паркет под ногами, металась чьи-то тени по стенам, в большие окна были видны огни спящего города. Кастусь знал, что в конце коридора в угловой комнате располагался кабинет графа. Невероятно, но ему представилось, что граф и сейчас там, хотя в графском дворце давным давно был Дом офицеров, а в кабинете графа находилась комната для всякого хлама. Но что-то говорило ему: теперь многое изменилось. Комнату графа освещал старый ночник. Фитиль неярко горел, отбрасывая на стены чудовищные тени. По стенам комнаты тянулись полки с книгами, золотые корешки старинных фолиантов неярко поблескивали во тьме, как-будто были наполнены светом изнутри.

Стол графа, заваленный всякими чертежами и схемами, стоял посреди на возвышении и сам граф восседал за ним. Граф выглядел не так как его описал Кастусь в своей книге. Не было долгополого сюртука, гордой осанки, роскошной шевелюры, широких плеч, т. е. всего того, что было на тех портретах, которые видел Карновский. Вместо этого за столом восседал маленький старикашка, лохматый, горбатый и худой как сама смерть. Очки каким-то чудом державшиеся на кривом носу, увеличивая до невероятных размеров и без того огромные глаза.

Увидев Карновского граф вежливо предложил ему присесть. Кастусь погрузился в глубокое кресло, чтобы услышать историю почему-то неизвестную ему по прежним его студиям той поры, когда он писал книгу.

«В далеком VXIII веке, толи в конце его, толи в начале, уж не помню, жил граф Адам Соколовский один из представителей рода, предки которого владели этим местом испокон веков. Граф был просвещенным человеком и в Бога не верил. Он увлекался науками и больше всего его интересовало как зарождается жизнь и как из мертвой материи можно получить новую жизнь. Поэтому он верил во Христа, считая его одним из самых великих ученых древности, который сумел открыть эликсир бессмертия.

Наука, книги, познание законов природы – были главными увлечениями молодого графа и кроме этого, как он полагал, ничему прочему не стоило уделять сколько-нибудь серьезного внимания. Но однажды прогуливаясь по своему парку он встретил дочь друньского бургомистра прекрасную Адель и без

памяти влюбился в нее. Чувства его не остались безответными и вскоре назначили день свадьбы, однако за день до венчания невеста неожиданно умерла. Молодой граф обезумел от горя. Стал молчалив, нелюдим и долгие часы проводил в склепе Адели, расположенном в одной из подземных галерей под монастырем пиаров. Ночами он проводил в своей библиотеке изучая огромные фолианты, написанные самими известными колдунами и оккультистами и с каждым днем, становился все мрачнее и мрачнее У графа была родная сестра Ядвига. Совсем юное создание, нежная как серна и до самозабвения любившая своего брата. Ее печалило его мрачное настроение и она как могла пыталась его развлечь. Отличаясь набожностью она многие часы проводила в храме св. Терезы вознося перед Богом молитвы за брата. Однажды оба они пропали. Слуги ждали их день и два, а на третий вызвали из Вильно старого графа Николу Соколовского. Он тотчас приехал и проводя расследование выяснил, что кто-то из слуг, накануне того дня как пропали брат с сестрой, видел их обоих, идущих по направлению к лесу. В течение нескольких дней слуги графа и горожане искали пропавших и наконец нашли в самом диком уголке леса, в том его месте куда, не заходил ни один охотник и даже волки обходили его стороной. Место это называлось издревле Сердце Друникене. Здесь в окружении вековых дубов была расположена поляна, в центре ее лежал большой плоский камень. Говорили, что на нем приносил жертвы богине еще сам Ярун. Вот на этом камне и нашли бездыханное тело Ядвиги. Оно было распластано на камне: руки раскинуты в сторону, ноги раздвинуты, глаза выколоты, горло перерезано, одежда разорвана до пояса и на груди вырезан знак Друникене, перевернутая лилия, одновременно являющаяся родовым гербом графов Соколовских. Самого молодого графа так и не нашли. Ядвигу, убитый горем отец, распорядился похоронить в том же склепе, что и невестку, но, когда устраивали гробницу обнаружили, что останков Адели в ней нет.

Граф Никола Соколовский вернулся в Вильно. В друньском дворце с тех пор никто не жил, кроме слуг, присматривающих за зданием. Не жил до тех пор, пока здесь не поселился в 20-х гг. XX столетия потомок Николы Соколовского граф Януш Соколовский, но это уже совсем другая история. А в многочисленных подземных галереях монастыря и в самом монастыре, как говорят, с тех пор, частенько видели призрак Черной Дамы»

Карновский сидел в старом кресле, в бывшем кабинете графа, заваленного разным хламом и тупо смотрел на портрет Николы Соколовского. Он никак не мог понять, то что он сейчас

слышал, привиделось ему или было на самом деле? Он перестал различать явь и сон? Он покинул дворец под пристальными взглядами недоумевающего вахтера, который также никак не мог понять, как он мог пропустить этого незнакомца.

Кастусь снова оказался на залитой солнечным светом аллее, звуки города, который от парка и дворца отделяла лишь дорога, ведущая к шоссе Гродно-Минск, действовали успокаивающе.

Приблизившись к городку Карновский не обнаружил КПП на въезде в него, но без труда нашел ту тропинку, по которой он в былое время всегда возвращался домой из своих небольших походов, минуя КПП. Все так же стоял позади дома кунг, некогда принадлежащий отцу Карновского, майору Глебу Карновскому, и даже была цела канава, выкопанная очень давно под теплотрассу. То что канава была цела, хотя и сильно осыпалась и заросла бурьяном, Кастуся несколько удивило. Он некоторое время стоял у канавы вспоминая, что когда-то она была доверху наполнена водой и в ней утонул пятилетний мальчишка, который на мгновение остался без присмотра родителей. Об этом случае ему рассказала его мама, которая видела, как трупик малыша вытаскивали из канавы баграми, а также присутствовала на похоронах мальчика и видела безумные глаза матери сорванца, молодой двадцатипятилетней женщины, постаревшей от горя. Почему-то тогда Кастусь не поверил собственной матери. Он потом приходил к канаве и часами стоял около нее почти ни о чем не думая и был твердо уверен, что мальчик не утонул, а просто перешел в иные формы бытия.

Случай этот Кастусь внезапно вспомнил и об этом думал, когда вошел во двор своего дома в котором он когда-то жил и остановился около третьего подъезда. И тут в памяти всплыло еще одно воспоминание о событии, свидетелем которого он был сам. Когда ему было лет десять он видел, как хоронили молодую девушку. До своей гибели она училась в медицинском училище и жила во втором подъезде того дома, где жил и Карновский. Что послужило поводом к ее смерти Кастусь не знал, но факт оставался фактом: она отравилась приняв лошадиную дозу какого-то снотворного. Во время похорон Кастусь наблюдал за тем как вынесли гроб из подъезда поставили на табуретки и он видел лицо девушки, некогда слывшей первой красавицей на улице, оно было распухшим в каких-то багровых пятнах и гноящихся язвах. Оно производило ужасное впечатление и одновременно чем-то привлекало к себе, завораживало. И это поразило тогда Карновского-подростка до глубины души. Образ умершей девушки преследовал его долго во снах и на яву и в

фантазиях вырастая до невероятных размеров.

Кастусь вошел в последний подъезд дома. Здесь жил друг детства Лявон Смуткевич. Квартира его находилась на первом этаже. Кастусь Карновский постучал, дверь открыл сам Лявон. Он как-будто не изменился совсем только на лице появились морщины да в волосах седина. Увидев Кастуся он никак не высказал удивления или радости, будто они расстались не шесть лет назад, а только вчера. Лявон пригласил Карновского войти, провел его в зал и усадил на диван, а сам вышел в другую комнату. Кастуся несколько обескуражил такой прием и он принялся рассеяно разглядывать обстановку комнаты. С правой стороны от дивана стоял сервант, в углу телевизор, около двери журнальный столик, рядом с дверью два кресла. Лявон вернулся минут через пять с бутылкой портвейна. Он достал из серванта два стакана, пододвинул к дивану журнальный столик и откупорив бутылку разлил вино по стаканам. Подняв свой стакан сказал: «Ну, за встречу!» и опорожнил его залпом до дна. Его примеру последовал и Кастусь.

- Как там в столице? – спросил Смуткевич.

- Да так, суета. У вас то что изменилось за это время?

Лявон на мгновение задумался потом ответил:

- Новый дворец культуры открыли, новый стадион построили, впрочем я тебе об этом писал. А ты, кстати, почему перестал отвечать?

- Да так как - то закрутился, ты уж прости.

- Что там, понимаю. Все статьи кропаешь? Книгу новую не написал?

- Статьи кропаю, а вот с книгой пока туго .

- Оно может и к лучшему, - Лявон посмотрел на часы и заторопился. - У,

старик, извини, мне пора на службу.

- А ты теперь где работаешь?

- Я теперь, Кастусек, инспектор милиции.

Лявон облачился в пиджак, затем надел ботинки и остановившись в дверях сказал:

- Оставить у себя я тебя не могу. Сегодня уезжаю дня на два, да и думаю тебе полезней будет пожить в гостинице: оглядишься и сам увидишь какие у нас тут дела.

Кастусь не возражал и таким поведением друга не очень огорчился, понимая, что видимо на это есть свои причины.

Уже на улице Смуткевич сообщил:

- Я вообще ожидал твоего приезда и думаю нам есть что обсудить. Давай я через два дня вернусь и встретимся. Позвони мне.

Он дал Карновскому свою визитку и быстрым шагом направился в сторону автовокзала.

Гостиница располагалась в северной части города. Это было маленькое двухэтажное здание, построенное в 1950-х годах. На первом этаже в широком холле находилось место дежурного администратора, сам холл выглядел чисто и уютно: на полу бордовые дорожки, у стены диван и журнальный столик, а в дальнем углу в широкой кадке рос разлапистый фикус.

Дежурная, девица лет тридцати, придирчиво оглядела Кастуся, внимательно изучила его паспорт и записав его данные в гостиничную книгу, выдала ключ от комнаты №3, указав в каком направлении нужно идти. Номер располагался на втором этаже и был одноместным. Обстановка выглядела скромно: узкая кровать, два стула и обшарпанный стол. Окна выходили во двор гостиницы, где стояли мусорные контейнеры. Контейнеры были переполнены мусором и груды его лежали вокруг. Вороны терзали куски гнилого мяса разнося его по всему двору. Мрачный бомж, лицо которого густо заросло щетиной, сосредоточенно рылся в одном из контейнеров, периодически засовывая в рот, то кусочек протухшего яйца, то гнилой помидор. Кастусь, невольно засмотревшись на эту картину, брезгливо поморщился и отвернулся. Надо было подумать о еде и он решил сходить в кафе, что находилось напротив гостиницы.

Кафе оказалось на редкость грязным и убогим заведением. В тесном, прямоугольной формы, помещении стояло четыре пластмассовых столика заваленных неубранной посудой и остатками еды. Кастусь заказал свое любимое блюдо: драники с мясом, а также кружку пива и не стал занимать ни один из столиков, а начал есть прямо у стойки. Драники были совершенно холодными и имели какой-то неприятный привкус, сметана была кислой, а пиво напоминало больше протухшую воду. Кое-как закинув всю эту еду в рот, он выпил еще чашку кофе и направился к себе в номер. Остаток дня он провел в номере приводя в порядок свои путевые записи и читая книгу «300 способов разбогатеть» Колина Макдауна. Когда наступил вечер и в комнате стало темно все попытки Карновского включить свет ни к чему не привели, а дежурный администратор сказала, что света сегодня не будет и он напрасно к ней колготиться. Ответ ее вывел Кастуся из себя, он накричал

на нее, та отреагировала на это спокойно и предложила Карновскому ночевать на улице, если ему не нравится ночевать в гостинице. Ему ничего не оставалось делать как смириться с обстоятельствами и лечь спать раньше обычного.

Спал он плохо, несколько раз просыпался, а однажды ему, даже показалось, что кот-то в соседнем номере кричал. Под утро ему приснился граф Никола Соколовский. И вот какой между ними состоялся разговор:

«- А помните ли вы, молодой человек, историю городов, которые Господь сжег серой, пролившейся с неба?»

Историю Содомы и Гоморры Кастусь отлично помнил, он не раз перечитывал ее, и она в некотором роде вдохновляла его на написание книги о Друни. Но граф не ждал от него ответа он как будто знал, как ответит Кастусь и поэтому спокойно развивал свою мысль дальше:

- Все возвращается на круги своя. Но теперь Господь не посылает серу, а отдает все в руки рабов своих. Этот город, который вы видите в окно моего дворца, населен мерзкими двуногими тварями без конца предающимися разврату, должен быть наказан.

- Разве отвечает народ за свой страх? - вставил свое слово Кастусь

- Я представитель рода графов Соколовских. Господь и король поручили нам привести людей живущих в этом городе к покорности и заставить их соблюдать Божий закон.

И тут Кастуся Карновского прорвало, ему было абсолютно все равно с кем он разговаривает с самим ли графом или с его призраком, то что копилось в нем годами, пока он собирал материал к истории Друни, а потом работал над книгой, вышло наружу и он горячо заговорил:

- А кто дал вам право решать кому жить, а кому умирать, кому страдать, а кому радоваться? Не с появлением ли в городе Соколовских вражда и ненависть поселилась в сердцах людей. Не вы ли своей жестокостью и несправедливостью ожесточили сердца друнцев и они закоснели в своих грехах. Ваша враждебность еще больше убедила их в том, что в чужаках главная опасность.

Граф явно не ожидал такой отповеди. Он с интересом разглядывал Карновского, как будто пытаясь определить, что он за человек и как к нему относиться.

- Это вы автор книги о Друни? - Спросил он и Кастусь

утвердительно кивнул головой

- Тогда вы должны знать, что этот город веками копил ненависть и каждый метр его территории пропитан кровью и слезами. Но вы неверно расставили акценты в своей книге, вы встали не на ту сторону и уже сейчас пожинаете плоды своего опрометчивого поступка. Помните: воображение и горячность еще ни одного человека не доводила до добра».

Кастусь был разбужен каким-то странным шорохом. Он открыл глаза и увидел, что на столе сидит огромных размеров крыса, которая преспокойно грызет его тапок. Крыса по величине не уступала крупной кошке. Кастусь не сразу сообразил, что делать, но потом догадался кинуть в нее своим кроссовком, который упал на столе рядом с животным. Крыса оставила в покое тапок, враждебно посмотрела на Карновского и лениво прыгнув со стола скрылась за шкафом. Карновский быстро оделся и покинул свой номер. За администраторской стойкой никого не было, Кастусь постоял некоторое время, ожидая, что кто-то придет и даже крикнул: «Эй, кто-нибудь!» но ответа так и не услышал. Он оставил ключ на стойке и вышел из гостиницы. Он сразу оказался на центральной улице города. Здесь как бы ничего и не изменилось: те же маленькие разноцветные дома, Ленин на центральной площади, красное многоэтажное здание администрации, небольшой сквер и памятник павшим воинам в нем, рынок и церковь. Горожане спешили на работу, мрачные и угрюмые будто они все поголовно не выспались в этот день. Кастусь прогуливался по узким улочкам города и сладостные воспоминания о прошлом вновь охватили его существо. Он думал о том, что под влиянием Друни он сформировался как личность и она же определила его профессиональные интересы.

У Друни была действительно сложная, насыщенная трагическими событиями история. Некогда город принадлежал князьям Соколовским получившим его за какие-то заслуги от польского короля. Первый владелец города князь Никола Соколовский положил начало вражды между горожанами и графским родом. Князь Никола был человеком патологически жадным, непомерные налоги, которыми он обложил горожан разорили и пустили по миру многие семьи. Человек чрезвычайно сладострастный он, с бандой своих вооруженных слуг, часто врвался в дома тех семей, где жили красивые молодые девушки и насиловал их. Так продолжалось года три или четыре. Наконец, терпению горожан пришел конец и назрел бунт. Князь даже не подозревал, что друняне тайно вооружаются и достаточно лишь искры, чтобы вспыхнул пожар бунта. И такой искрой как раз стали события произошедшие летом 15...года, когда так жестоко было уничтожено семейство

колдуна Яруна. После того, как рыцари расправились с самим Яруном и его дочерьми и обнаружив на утро, что среди убитых нет младшей, самой красивой, князь с отрядом своих слуг отправился на поиски ее. Адель пыталась спрятаться в священной дубраве около жертвенного камня, полагая, что князь не осмелится сюда придти, но она жестоко ошиблась – Никола Соколовский догадался, где она скрывается. В тот день князь, насладившись плотью Адели, отдал ее в руки своих слуг, которые еще долгие часы измывались над ней. Соколовский со своими приспешниками так был увлечен, что не заметил как вооруженные друняне окружили дубраву со всех сторон и по условному знаку разом напали на отряд князя. Ни один княжеский слуга не остался в живых, самого Николу били до тех пор, пока он не превратился в окровавленный кусок мяса. Потом его труп протащили через Лес Ночной Стражи и повесили на осине. Бездыханное тело Адели похоронили здесь же около жертвенного камня. Бунт друнян был жестоко подавлен. Королевские войска, во главе с племянником князя Евграфом Соколовским вошли в город через три дня после этих событий, сожгли часть домов, ограбили всех дочиста, десять человек, посчитавшихся зачинщиками этого дела, повесили. Однако после этого происшествия Друнь уже не принадлежала князьям Соколовским. В их руках остался лишь дворец и обширный парк, расположенный на окраине Друни. Никола Соколовский не был женат и не оставил потомства, поэтому дом и парк унаследовал его племянник Евграф. Тогда же появилась иная версия событий гибели Николы Соколовского в ней он уже не был кровавым похотливым тираном, а мучеником за Христа, пострадавшим от язычников в тот момент когда он хотел научить их вере христовой. А сброд головорезов, состоящий из авантюристов чуть ли не со всей Европы и вместе с графом терроризирующих жителей превратился в благородных рыцарей, которые прибыли в Друнь, чтобы освободить друнян от власти колдуна Яруна. Князь Евграф Соколовский практически не вмешивался в дела горожан, был занят строительством роскошного дворца на месте дома. В XVIII веке дворцом владел один из потомков Евграфа князь Адам Соколовский. Но история Адама, рассказанная Кастусю призраком Николы Соколовского, резко расходится с той, что существовала и была всеми признанной за истину. Согласно ей князь Адам благополучно женился на дочери знатного горожанина, и тем самым род князя как-бы примирился с городом. От этого брака появилось пять детей, правда в свое время как не пытался Кастусь найти в архивах Гродно, Вильно, Минска и даже Варшавы хоть какие-то сведения об этих детях Адама Соколовского ему это не удавалось. Архивные источники говорили о том, что Адам

рано умер и после него дворец долго пустовал, до тех пор пока здесь в XX веке не поселился Александр Соколовский. Когда Западная Белоруссия была присоединена к СССР, князь с небольшим отрядом верных ему слуг ушел в друньские леса, где какое-то время пытался вести партизанскую борьбу с советами, но вскоре был наголову разбит и по некоторым сведениям укрывался в самой Друни в доме своего бывшего дворецкого, однако был выдан горожанами представителям советской власти. Его арестовали, приговорили к смерти, но в ночь перед расстрелом ему каким-то образом удалось бежать. Александр поклялся, что обязательно отомстит городу и за себя и за своего далекого предка Николу Соколовского. В годы второй мировой, Соколовский вернулся в родные места, но в чем-то не сошелся с немцами и опять с небольшим отрядом укрывался в друньских лесах, где в основном занимался тем, что грабил на дорогах. Летом 1944 года, когда началось наступление советских войск и все силы немцев были сосредоточены на Востоке, князь решил действовать. В Друни был только взвод немецких солдат во главе с комендантом. Ночью отряд Соколовского ворвался в город, вырезал немецкий гарнизон и захватил сам город. Только спустя сутки немцы смогли перебросить к Друни значительные силы и выбить из города Соколовского. Войдя в город, даже эсэсовцы были поражены увиденным: вся центральная площадь была завалена частями человеческих тел, кровь стекала по брусчатке и образовывала широкие лужи у бордюров дорог. После той злополучной ночи количество населения города сократилось почти вдвое. В каждой семье кто-нибудь был убит. Казалось здесь был какой-то злой умысел и что князь как-будто собирает кровавую дань с города, как ангел смерти наложив печать на каждый дом. Но подробности той кошмарной ночи известны мало – спустя месяц город освободили советские войска и никто из жителей впоследствии не захотел вспоминать эти самые подробности

Кастусь перебрался на другую сторону главной улицы города, которая называлась «17 сентября» (день освобождения Друни от немцев) и решил зайти в книжный магазин. Раньше это было его любимое место в городе, он бывал здесь раза три в неделю, и, хотя редко что покупал, но ему нравилось брать книги в руки, листать их, вдыхать их запах, он получал от этого какое-то эстетическое удовольствие. Магазин размещался в старом кирпичном здании прямо рядом с городской столовой. Попав внутрь Кастусь сразу обратил внимание на то, что здесь практически ничего не изменилось. Конечно же на полках стояли совсем другие книги, но само расположение этих полок и внутреннее убранство магазина осталось прежним. Еще в дверях он заметил фигурку девушки почему-то показавшейся

ему знакомой, во всяком случае его не покидало ощущение, что он ее где-то уже видел. Девушка стояла в дальнем углу магазина и внимательно изучала какую-то книгу. Одета она была в зеленое платье и жакетку, ее длинные черные волосы собраны в косу, а в нее вплетена синяя лента. Кастусь, прячась за полками, подобрался поближе к девушке, ему почему-то не хотелось, чтобы она его видела, но его не покидало стойкое ощущение, что она знала о его появлении еще до того как он вошел в магазин. Взяв с полки какую-то книгу и делая вид, что читает ее, Кастусь украдкой наблюдал за девушкой. У нее были правильные черты лица, ямочки на щеках, длинные ресницы, а выразительные линии стройного тела были настолько совершенны, что невольно возбуждали в нем смутные желания. Девушка на мгновение отвлеклась от книги подняла голову и взгляды их встретились. Кастусю стало вдруг стыдно, будто она узнала его нескромные мысли. Но девушка приветливо улыбнулась и сказала:

- Добрый день!

Кастусь ответил на приветствие и вышел из своего укрытия.

- А как вас зовут? - Спросил он

Она вдруг нахмурилась и уже менее приветливо ответила:

- А я не хочу с вами знакомиться.

Кастусь несколько растерялся, но мельком взглянув на книгу, которую девушка держала в руках тут же нашелся, что сказать:

- Я просто подумал, что коль скоро вы знаете мое имя, то и мне можно узнать ваше.

- Нет. Откуда мне его знать. - Она была явно удивлена.

- Книга, которую вы держите в руках написана мной.

Девушка посмотрела на обложку, потом на фотографию автора, помещенную на самой последней странице и расплылась в улыбке:

- Вы Кастусь Карновский! Очень рада с вами познакомиться.

Она протянула ему руку, он церемонно поклонился и пожал ее.

- Так как вас зовут? - снова спросил Кастусь.

- Адель Ярун.

Брови Кастуся удивленно поползли вверх, Адель рассмеялась.

- Как в вашей книге, но я никакого отношения к той Адели не имею. Я родилась в Данилишках, а у нас а селе каждый второй носит фамилию Ярун.

Она поставила книгу на полку и они вместе направились к выходу. На улице Кастусь мучительно думал над тем какой найти повод, чтобы не отпускать ее, но видя что она уже собирается уходить просто предложил:

- Можно я вас провожу?

Она не отказалась, но только до автовокзала, откуда отправлялся автобус в Топилишки, где у нее жила бабушка. По дороге выяснилось, что Адель всего два дня назад приехала из Гродно, где она живет вместе со своими родителями. Учится она на третьем курсе университета на филфаке, белорусское отделение, и одновременно занимается в художественной студии. В Топилишки приезжает каждое лето, живет у бабушки один два месяца и почти каждый день ходит на этюды, благо в окрестностях трех деревень Топилишки, Данилишки и Плятты прекрасные виды.

- А вы, наверное, в Друни снова собираете материал, чтобы написать продолжение своей книги? – Спросила Адель, когда они уже почти дошли до автовокзала. Вопрос застал Кастуса несколько врасплох.

- Ну в некотором роде. - Уклончиво ответил он.

- Это хорошо. Знаете, после того, как была издана ваша книга, я все ждала продолжение ее. Мне кажется, что форма, избранная вами для написания книги несколько необычна.

- Это почему же?

- Ну вот, смотрите, она называется: «Легенды и были города Друни. Краеведческие очерки». Но это вовсе не краеведческие очерки, а настоящее художественное произведение, в котором правда перемешана с вымыслом.

Такое заявление несколько задело Карновского:

- Нет, Адель, все что есть в книге чистейшая правда, я ничего не выдумывал.

- Вот как ! Приходите завтра ко мне в гости часов в пять вечера.
- Вдруг предложила она, - Попьем чай, у нас очень вкусный чай. Мы в него добавляем всякие травки, которые собираем в Долине. Я ведь тоже в некотором роде местная жительница и много чего слышала от своей прабабушки. В Топилишках спросите дом Ганны Шуенок, это моя бабушка, вам сразу покажут.

Она заторопилась на автобус, который уже стоял около автовокзала. Запрыгнув в старый «пазик» Адель помахала Карновскому на прощание рукой и автобус отправился в Топилишки. Кастусь смотрел вслед удаляющемуся автобусу, пытаясь разобраться в нахлынувших на него чувствах. Ему Адель понравилась сразу. Все в ней было необычно: и несколько старомодная внешность, и манера одеваться, как-то не по эпохе (такие жакетки как у нее носили в этих местах в 1920-х гг.) и ее смешной белорусский акцент, придающий какую-то мягкость и ласковость ее речи.

Он не сразу заметил, как к нему подошел монах, одетый в коричневый подрясник. Он был на голову ниже Карновского, немного сутулился, лицо его было вытянутым, глаза косили, а на правой щеке красовался багрового цвета шрам.

- Вы Кастусь Карновский? – Спросил монах, Кастусь утвердительно кивнул, он не ожидал, что в городе его имя столь известно.

- Я заметил вас, когда вы проходили мимо костела и шел за вами все время, не желая прерывать вашу беседу, но теперь я вижу вы свободны и можете мне уделить некоторое время не так ли?

- Могу, конечно.

- Я отец Казимир, единственный насельник здешнего монастыря, - представился монах. - Пойдемте со мной, мне нужно вам кое-что показать и рассказать. Вам как летописцу нашего города я думаю это будет интересно.

Обратный путь до костела занял не так много времени, огромный храм единственный купол которого был покрыт гонтом, возвышался над всем городом. С правой стороны к костелу примыкало длинное двухэтажное каменное здание, в нем некогда размещались келии монахов-пиаров. Теперь корпус выглядел запущенным и производил мрачное впечатление. Маленький монах провел Кастуся на второй этаж келейного корпуса, где они долго шли по коридору и, наконец, остановились у одной из угловых келий. Монах открыл дверь, и они оба вошли внутрь. Обстановка келии была вообще-то ничем не примечательной: стол, два стула, узкая кровать и книжный шкаф. Книги заполняли весь шкаф, лежали стопами на полу, так что из-за них маленькая комната казалась еще меньше. Из единственного окна открывался вид на серое здание монастырской бани и городское кладбище. Отец Казимир предложил Кастусю располагаться поудобней и тот занял один из стульев. Тем временем монах начал перебирать стопы книг и вскоре вытащил какой-то толстый фолиант в потрепанном переплете. Он положил его на стол и спросил Карновского:

- Я правильно догадался, что вы тот самый автор книги о Друни?

- Да, если вы имеете в виду «Легенды и были».

- Ее самую. Я может быть не стал бы вас беспокоить, но мне кажется человек все это написавший и впервые за столько столетий существования Друни предавший огласке некоторые факты ее истории, берет на себя некоторую ответственность и обязан знать все подробности.

- Какие подробности вы имеете в виду?

- Ну, например, в своей книге вы почему-то не рассказали историю о Черной Даме.

Услышав это Кастусь насторожился, монах вел себя как-то странно, он как-будто о чем-то недоговаривал, да и во всем его облике было что-то неправдоподобное, немонашеское.

- Я слышал эти истории, - отозвался Кастусь. - Но, во-первых, не нашел никаких письменных подтверждений, свидетельствующих о существовании Черной Дамы, а во-вторых эта история не внушает мне доверия.

После этих слов монах открыл лежащую на столе книгу и сообщил:

- Вам просто была доступна не вся литература. Вот летопись нашего монастыря. Она существует в единственном экземпляре, и я ее обнаружил совсем недавно, разбирая старую ризницу. В книге подробно рассказана история Черной Дамы. Еще до того, как Друнь была передана во владение князьям Соколовским, городом владел жрец богини Друникене Ярун. Как раз приверженность старого Яруна и горожан к демоническому культу богини Друникене, а также упорные слухи о том, что семь дочерей Яруна являются ведьмами, привели к тому, что король выслал против Друни войско и возглавил его Никола Соколовский. Он успешно осуществил возложенную на него миссию: взял город после короткого и кровопролитного штурма. Ярун с дочерями успел бежать, Никола Соколовский устроил показательную казнь на торговой площади города предав смерти тех горожан, которые были взяты в плен с оружием в руках. Это была первая резня, которую устроили князья, а вторая была несколько столетий позже, уже в годы второй мировой войны, об этом вы писали в своей книге. Монах многозначительно посмотрев на Карновского, перелистал несколько страниц книги и указал на гравюру, изображавшую девушку в длинном черном платье, волосы ее были подвязаны черной лентой, в руках она держала ветку чертополоха. Лица ее не было видно, оно задрапировано вуалью.

- Это она, Черная Дама, а по-другому Адель Ярун, младшая дочь Яруна. У вас в книге вообще-то верно передана история Адели, но вы забыли или не хотели сказать, что из семи она была самой сильной ведьмой. Культ Друникене как-то стоит особняком в балто-славянском язычестве и ученые до сих пор гадают откуда он взялся, во всяком случае нигде кроме Друни и ее округе Друникене не поклонялись. Этот культ обязательно связан с человеческими жертвоприношениями. В этом его суть. По правилам жрец богини не может приносить человеческие жертвы, это должна делать его младшая дочь, начиная с 12 лет в течение семи весен и зим, т. е. жертвы приносились дважды в году. На седьмой год дух богини вселяется в своего медиума и обретает человеческую оболочку. Когда Адель Ярун была убита ей шел девятнадцатый год и время, когда приносилась летняя человеческая жертва уже миновало.

- Вы хотите сказать, что граф уже насильовал не дочь Яруна, а саму богиню? Но ведь это же чушь собачья!

- О, не так все просто. Власть Друникене над городом и округой была очень велика по той простой причине, что все население, несмотря на то, что внешне приняло христианство, оставалось тайными поклонниками богини. И мне кажется, что вся кровавая история, которая произошла при князе Николе была как-то спровоцирована духом богини с какой целью мне правда пока непонятно.

- А откуда у вас такая уверенность, что все было именно так?

- Задам и я вам вопрос: а откуда вы знаете, что все произошедшее в лесу много сотен лет назад не плод вашего воображения, а истина? Я черпаю свою информацию из этих книг. А вы в основном полагались на предания и легенды, бытовавшие в Друни. И потом, наш монастырь каким-то образом связан с Аделью, я предполагаю, что когда-то на его месте находилось святилище Друникене. И если Адель и есть Черная дама, то в стенах монастыря ее не раз видели, в том числе видел ее и я.

- И как она выглядит?

- Так же как на гравюре в книге. Но я полагаю, что вы мне не верите. Тогда вам придется пойти со мной, хочу вам еще кое-что показать, возможно это вас убедит больше.

Монах взял с подоконника масляный фонарь, зажег фитиль и вышел из кельи, Кастусь последовал за ним. Они прошли по коридору в самый конец здания и остановились перед крышкой какого-то люка в полу. Вместе они подняли тяжелую чугунную крышку и спустились по деревянной лестнице в узкий сводчатый ход. Здесь пахло сыростью, а темнота была настолько плотной,

что казалось ее можно было резать ножом на куски, даже фонарь едва едва освящал небольшое пространство вокруг них. И тем не менее монах решительно двинулся вперед сквозь эту тьму. После десяти минут ходьбы монах остановился, приблизил фонарь к левой стенке хода и только теперь Кастусь увидел, что в стенах есть ниши в которых стоят гробы. Монах повесил фонарь на штырь торчащий над нишей и вытащил один из таких гробов примерно на половину. Кастусь помог ему, подтолкнул гроб немного вперед и подхватил его с другой стороны. Вместе они бережно поставили гроб на земляной пол. Монах поддел дубовую крышку, и она с грохотом упала рядом с гробом. Существо, лежащее внутри практически не подверглось тлению, просто усохло и немного уменьшилось в размерах, но как уродливо оно выглядело! Длинные, почти как у кролика уши, рот во все лицо, чрезвычайно короткие и кривые ноги и непропорционально удлиненное тело.

- Этот из семейства Гуков, - прошептал монах. - Из всех более менее похож на человека. А в других семействах у Суниц, Ваверок, Вожиков, Климитов, вообще невообразимые уродцы, я даже показывать вам их не стану.

- Что это, наследственная болезнь?

- Вроде того. Горожане не брали жен из других мест, кроме самой Друни. Сами понимаете городок-то маленький за сотни лет все женились переженились. К тому времени как князь Никола устроил резню на площади отцы брали в жены своих дочерей, а сестры спаривались с родными братьями. Друнь стала Содомом. Поэтому та резня была наказаньем Божиим.

- Но почему?

- Вы хотите знать почему существовали у них такие странные правила? По преданию сама Друникене явилась как-то Яруну и сказала, что горожане не должны пускать в город чужаков, в городе должны жить только верные поклонники богини. Что-то она им за это пообещала, или чем-то напугала, так, что несмотря на все последствия они всегда придерживались этого правила.

- Но я сам родом из Друни и мама моя отсюда и бабушка.

- А отец?

- Отец военный, он из Сморгони. - После войны рядом с Друнью построили военный аэродром, на окраине Друни появился военный городок и некоторые друньские роды, представители которых еще сохранили человеческий образ нарушили это правило, они стали отступниками и начали выдавать дочерей за чужаков, ваша бабушка была из такого рода. Кроме того сам

город значительно расширился, когда здесь построили завод. Много людей приезжало из других мест, а семьи основателей и первых поселенцев, так и жили в старой части города в Затурьянье, вы, кстати, часто там бывали?

- Нет, как-то не приходило в голову туда ходить, я, честно говоря, там ни разу и не был, даже когда собирал материал для книги.

- Вот видите. А, казалось бы, в первую очередь и должны были пойти именно туда, где как не там вам могли рассказать подлинную историю города, а так вы насобирали всяких побасенок, которые существовали всегда в среде тех, кто не относился к древним родам Друни. Я изучал старые метрические книги, которые каким-то чудом сохранились в архиве монастыря и обнаружил, что вот такие уродцы рождались не в каждом друньском роде, а лишь в тех которые остались верны вере предков, и рождались они раз в пятьдесят лет. Это был как некий знак принадлежности к общине верных. По моему мнению в городе существует какая-то организация, контролирующая всю городскую жизнь и члены ее до сих пор поклоняются Друникене. Впрочем, на это Кастусь мог бы возразить монаху, что при написании книги он не столько основывался на рассказах местных жителей, сколько на документах хранящихся в архивах. И когда брался за написание книги он как раз ставил себе целью составить истинную историю города без всяких страшных ничем неподтвержденных рассказов и сплетен и ему казалось, что такую подлинную историю он написал. И вот теперь ему говорят, что это далеко не так.

- А куда ведет этот коридор? – спросил Кастусь, после недолгого молчания.

- На кладбище.

- На кладбище? А зачем?

- Всякая дорога ведет на кладбище, - усмехнулся монах.

Они вместе поставили гроб на место и заспешили к выходу. Благополучно выбравшись из подземелья Кастусь попрощался с монахом и направился в Заводской район, где жила любимая учительница Карновского Мария Петровна, которую он не раз вспоминал и теперь, оказавшись в Друни, хотел с ней увидеться и поговорить. Минувя городское кладбище Кастусь направился в Заводской район, лишь на мгновение задержавшись на дороге, ведущей мимо кладбища. Он смотрел на черные кресты и могильные памятники с замысловатыми узорами на них, пытался прочесть надписи по-польски на этих памятниках, на тех что были ближе к ограде, потом сосредоточился на

изучении кладки стены ограждающей кладбище от мира живых. Стена сложена была из небольших валунов, уложенных друг на друга и едва-едва смазанных раствором. Местами она начала осыпаться, валуны валялись и там, и тут и через ограду совсем легко можно было даже не перепрыгнуть, а перешагнуть. В центре кладбища высились развалины каплицы, от которой остались теперь корявые стены, а когда-то в нее заносили гробы, чтобы отдать последний долг памяти умершим. Кастусь и раньше поражала какая-то странная архитектура этой каплицы, совсем не свойственная христианскому культовому сооружению. Каплица имела форму пирамиды со срезанной вершиной, которую когда-то венчала круглая крыша. Сейчас часть стен обвалилась, а в некоторых из них появились дыры. Ему вдруг пришла в голову мысль о том, что в некотором роде он, написав книгу о Друни, воплотил в жизнь все кошмарные и самые мрачные видения, и сны массы людей, живших в этом городе на протяжении многих и многих веков, сделав сновидческую историю города подлинной. Но что если это даже и так? Разве не есть мифология города, его предания, легенды, обрастающие самыми невероятными подробностями, настоящей сутью тех, кто в нем живет. И сутью истории как процесса перемещения во времени фактов и событий. Но надо было продолжать путь дальше. Пробираясь по узким улочкам города, мимо рядов желтых трехэтажных домов, некогда построенных для семей рабочих, Кастусь вскоре достиг дома №14, где проживала Мария Петровна. У подъезда дома он увидел двух старушек, мирно сидящих на лавочке. Они ни о чем не говорили и появление Карновского никак не привлекло их внимание, они даже не посмотрели на него, будто не видели. Подъезд в доме Марии Петровны был на удивление чист. Не валялись окурки, не пахло мочой, да и вообще ничем не пахло, казалось подъезд был простерилизован. Почтовые ящики висели на стене аккуратными рядочками и выкрашены в нежно-голубой цвет. Вообще подъезд производил хорошее впечатление на всякого, кто сюда заходил и даже невольно возникало желание задержаться здесь, чтобы в прохладе отдохнуть минуту другую. Кастусь привычно поднялся на второй этаж и позвонил в угловую дверь с номером 19 – квартиру Марии Петровны. Долго никто не открывал, затем за дверью послышались нетвердые шаги, кто-то посмотрел в глазок и наконец открыл. Он сразу узнал мужа Марии Петровны, хотя тот немного потел, лицо, изборожденное морщинами вдоль и поперек еще больше погрубело, а в волосах появились значительные участки седины. Глядя на этого стареющего мужчину Кастусь мучительно пытался вспомнить его имя, но не мог этого сделать. В те годы, когда он бывал у Марии Петровны, он никогда не разговаривал

с ее мужем, а имя его слышал только один раз из уст его жены. Помявшись в дверях Кастусь наконец спросил:

- Могу ли я видеть Марию Петровну Столярчук?

Мужчина смерил взглядом Карновского и пригласил его войти в квартиру. Проводил на кухню, где они устроились за маленьким столиком. Тут же была подана закуска, извлечена из холодильника бутылка водки, поверхность которой покрылась приятной испариной. Наполнены маленькие стопочки, поднимая свою муж Марии Петровны провозгласил тост: «За встречу!» и осушил ее залпом, Кастусь последовал его примеру и снова обратился к нему с вопросом:

- Простите, я не помню вашего имени.

- Гумий.

- Гумий?

- Да. Такое вот странное имя, оно чисто наше, друньское. Гумий, Макалоки, Анохия – это все имена, которые бытовали в окрестностях Друни и в ней самой. Вам, историку города следовало бы это знать.

- Нет, нет, я знаю конечно, - спохватился Кастусь. – Но не предполагал, что кого-то еще называют такими именами.

- В семьях, которые остались верны все обычаи еще соблюдаются.

Произнеся эту фразу, Гумий стал наливать очередную стопочку. Кастусь встрепенулся, услышав подобное утверждение, да еще из уст мужа Марии Петровны о котором раньше он и подумать не мог, что он сам местный уроженец.

- А что значит «остались верны»? – Поинтересовался Кастусь.

- Верны прежним традициям, обычаям. Кроме того, издревле все горожане условно можно было поделить на сторонников Соколовских и сторонников Друни. Вражда между обеими партиями существовал всегда, даже и сейчас. В вашей книге эта тенденция прослеживается очень четко и мы, друняни, очень благодарны вам за то, что вы встали на сторону города.

- Из чего же это следует? – Кастусь таким утверждением был немало удивлен.

- Видите ли у всех тех историй, преданий и легенд которые фигурируют в вашей книге, есть второй вариант: в нем князя Соколовские предстают в гораздо более привлекательном виде. Вы же отдаете предпочтение только тем фактам, которые выставляют Соколовских изуверами.

- Но я старался основываться только на тех известиях, которые мне удалось как-то документально проверить.

Гумий опрокинул еще одну стопочку, Кастусь к своей не притронулся. Карновским овладело какое-то чувство неприязни к этому грубому мужику, который все больше пьянел с каждой выпитой рюмкой. Он невольно поймал себя на мысли, что происхождение этой неприязни идет еще из его школьной юности, когда он посещая Марию Петровну всякий раз тайно думал о том, почему не он, Кастусь Карновский, находится на месте этого человека в качестве мужа Марии Петровны.

- Я бы хотел увидеть Марию Петровну. - Снова повторил свою просьбу Кастусь, на что Гумий ответил:

- Маша на даче. Приедет в понедельник, так что приходите, когда она вернется.

Разговаривать больше было не о чем. Кастусь встал, Гумий окинул его осоловевшим взглядом и будто что-то вспомнив щелкнул пальцами и со словами «Постойте» удалился в спальню. Через некоторое время он вернулся, держа в руках, нечто завернутое в белую тряпочку. Он развернул этот предмет, показывая Карновскому небольшой нож, лезвие которого было сделано в виде удлиненного листа крушины, а по всей поверхности его выгравирована змейка, тело ее было на лезвие, а рукоять выделана в виде головы змеи и судя по двум желтым пятнышкам, изготовленным из янтаря, это был уж.

- Вот, это вам от нас. От меня, от жены, да и вообще от всех старожилов города в благодарность за вашу книгу.

Карновский несколько смутился, вещица была явно древняя, и судя по всему культового происхождения, так как уж пресмыкающееся посвященное Друникене, а крушина ее дерево. Он хотел было отказаться, но Гумий, видя его нерешительность, заявил:

- Этот нож велела передать вам Маша, так и сказала: «Если приедет Кастусь Карновский, отдай ему этот нож».

Карновский принял подарок с тем и покинул квартиру Гумия и Марии Столярчук. Выйдя из подъезда, он вдруг подумал о том с чего это Мария Петровна могла решить, что он приедет в Друнь? Но мысли эти быстро улетучились из его головы, так как думы его витали совсем в иной плоскости: он мечтал поскорее увидеть Адельку и непременно сегодня же, поэтому быстрым шагом направился все к тому же КПП, через которое пришел в город и вскоре вышагивал по дороге по направлению к Топилишкам. Минув мост Кастусь остановился,

чтобы полюбоваться водами ручья. Турьянка совсем маленькая речка всего-то метра два шириной, а местами и полтора. Воды свои она несет в Неман и там ближе к этой великой реке становится гораздо шире. Кастусь спустился к берегу ручья и направился вдоль него. Пахло кошачьей мятой, которая всегда росла вдоль берега. Воды ручья текли быстро, шумели на каменных скатах и небольших поворотах и были абсолютно прозрачны. Кастусь знал, что вода в Турьянке настолько чиста, что можно прямо из реки пить, но в одном месте есть родник и вспомнив об этом, Карновский шел именно туда. Ручей делал небольшой поворот и на отмели, под водой бил источник, от поднимавшейся из-под земли воды песок будто бурлил. Кастусь лег на живот и опустив лицо в воду, стал пить. Утолив жажду, уселся на берегу, некоторое время слушал ветер и тишину. Удивительно, несмотря на то, что вроде бы эти места были не так далеки от города, здесь всегда царствовала тишина. Но надо было идти. Он перепрыгнул через ручей, взобрался на другой берег, который был круче правого и через поля, минуя деревню Плятты продолжил свой путь к Топилишкам. Часа через полтора он добрался до нужного ему села. Без труда нашел дом бабушки Адели – небольшую хату, со скошенной на обе стороны крышей, аккуратным полисадничком перед ним и растущими в нем астрами. Аделька ждала Карновского на пороге дома. Она увидела его еще когда он шел по улице и решила встретить. Что-то девушка напряженно рассматривала в нем, будто пытаясь найти изъян, но когда он приблизился уже приветливо улыбалась и ласково приветствовала его:

- Добрый день, заходите в дом.

В низенькой столовой, где на окошках висели кисейные шторочки и пахло донником, усадила Аделька своего гостя за маленький круглый стол и стала разливать чай из самовара, предлагая ароматный мед с печеным хлебом. Чай пили молча. Адель, держала чашку с золотистой каймой в левой руке у самого лица и маленькими глотками отхлебывала из нее. Она смотрела на Карновского и в ее зеленых глазах Кастусь видел свое отражение. Видел себя и то как неловко он мазал тягучий коричневый мед на ломоть хлеба, капая на скатерть, как откусывал кусок за куском, а мед, растекавшийся по хлебу, снова каплями падал на скатерть. Он ел почему-то торопливо, запивал крупными глотками, обжигая горячим чаем губы, язык, глотку. Будто за ним кто-то гнался. В глазах Адельки появился смех.

- Да что это вы так спешите? - Спросила она. - За вами погоня? Или вы боитесь, что я отберу у вас чай и хлеб?

Она рассмеялась. Потом встала, поправила свое зеленое платье и неожиданно резко сказала:

- Ну хватит. Не чай же вы пришли ко мне пить. Пойдемте я вам покажу то, ради чего вас сюда позвала.

Кастусь несколько растерялся. Такая быстрая смена обстановки и настроения была ему неприятна. Но он повинился и покорно поплелся за Аделькой. Она провела его через внутренние темные комнаты дома, обстановку которых он не успел разглядеть, в светлый, просторный зал, где имелось два боковых окна, довольно больших. Пространство зала пустовало, здесь не было никакой мебели, лишь два стула с гнутыми спинками стояли посреди. Матовые стены зала занимали картины разных размеров и величины, некоторые были почти в полстены, но на всех них присутствовал неизменно один сюжет – лес в Долине Семи Дев или лес Ночной Стражи. Лес совсем близко, так, что можно было различить отдельные деревья, написанные с большим мастерством и подробностью. Лес вдаль, от Турьянки, когда он будто на взгорке, или с гряды, когда видна дорога, уходящая вдаль и теряющаяся в лесу Ночной Стражи.

- Это все ваши работы? – Спросил Кастусь

Аделька молча кивнула головой. В этот момент она стояла у одной из картин, которая несколько выделялась из всех остальных: на ней была изображена Долина в момент цветения красного клевера, а на горизонте виднелся в дымке все тот же лес. По полю цветов шли два человека, взявшись за руки. Это были мужчина и женщина, причем женщина нарисована со спины и лица ее нельзя было различить, а мужчина смотрел через плечо на кого-то позади женщины, и лицо его можно было вполне рассмотреть.

- Я конечно не специалист в живописи, но на мой взгляд вы неплохо рисуете.

- Спасибо вам конечно за комплимент, Кастусь, но видите ли рисовать я стала месяца два назад, после прочтения вашей книги. И как видите сюжеты моих картин все одни и те же: лес, лес и лес.

Такая новость несколько удивила Кастуся, но его внимание было отвлечено другим. Вглядываясь в картины, он вдруг понял, что все изображенное на них на самом деле не существует. Или точнее сказать все изображено не совсем так. Вот Турьянка на одной из картин делает поворот совсем в другую сторону, в другом месте лес Ночной Стражи смыкается над дорогой,

хотя на самом деле в том месте, где дорога достигает леса, образуется большая развилка. А красные цветы, которые должны быть клевером, на картине выглядели как маки. Они сели друг против друга на диван. Какое-то время молча смотрели друг на друга. Кастусь спросил:

- А бабушка где?

- Да она на огороде. – Беззаботно ответила Аделька, как показалось Карновскому слишком деланно, ненатурально, впрочем он не обратил на это внимания

- Неужели вы раньше никогда не рисовали? – снова спросил он

Он вдруг подумал о том, что слишком много запахов и очень ярких. От самой Адели исходил очень знакомый, сильный и он никак не мог понять что это и вдруг его осенило – запах клевера!

- Нет, никогда. – Аделька отрицательно покачала головой. – Это как-будто что-то находит на меня: я беру кисть, полотно и рисую, и кто-то водит моей рукой, и получается то, что получается.

- Вы пишете с натуры?

Она не сразу поняла вопроса, лобик ее нахмурился, она как-будто что-то вспоминала, потом ответила:

- Да, я выхожу на этюды. А недавно записалась в художественную школу.

Скрипнула дверь и в комнату вошла бабушка. Она исподлобья глянула на них и сурово заметила:

- Уже поздно, Адель. Темнеет. Твоему гостю пора домой.

- Да, да, конечно, мне надо идти. – Согласился Кастусь.

Адель как-то странно посмотрело на него, будто, что-то хотела сказать, но в присутствии бабушки не решалась. Карновский одел кепку, вышел за дверь. Было уже темно, луна плыла над горизонтом, освящая серебристым светом крыши топилишкинских домов. Кастусь на мгновение остановился во дворе аделькиного дома, вдыхая полной грудью свежий вечерний воздух. Он так увлекся этим делом, что не сразу услышал, как Адель его тихо позвала. Он обернулся, она стояла на пороге, в темном проеме едва различался ее силуэт в лунном свете. Она потянулась к нему, быстро поцеловала в щеку и едва слышно шепнула: «Не ходи по дороге через лес». Это было неожиданно во всех отношениях, но поцелуй в щеку совершенно расслабил Кастуся и он шел какое-то время еще ощущая прикосновение ее губ к своей щеке и думая о девушке. Поэтому даже не заметил, как свернул на дорогу

именно через лес Ночной Стражи. Здесь он как бы очнулся от сна. Ему почудилась какая-то опасность исходящая из глубины леса. Было абсолютно тихо, впереди простиралась пустынная дорога, залитая лунным светом и на ней ни души. Хотя что удивляться, здесь и в дневное время не многолюдно. Ни ветра, ни даже каких-то колебаний воздуха, природа как будто замерла в ожидании. Только звук собственных шагов слышал Кастусь в этой мертвой тишине. Он ускорил шаг, непонятное ощущение овладело им, он даже и не сразу смог объяснить себе, что это. Похоже на панику, но он не мог понять причину ее. Наконец, Карновский перешел на бег, ему надо было во чтобы то ни стало покинуть лесную дорогу и вырваться в поле. Но тут впереди он увидел человеческую фигуру. Приблизившись он понял, что человек стоит к нему спиной, приглядевшись он радостно заулыбался, хотя никак не мог понять, как это возможно: это была Адель. Он почти в этом не сомневался, на ней было тоже платье, волосы заплетены как у нее, фигурка точь-в-точь соответствовала ее. Кастусь протянул руку, трону ее за плечо: «Ты что...», но фразу не закончил, девушка повернулась и Карновский увидел лицо её, оно отдаленно напоминало Аделькино, но, наверное, в глубокой старости. Лицо старухи, испещряли страшные морщины, как будто какой-то злой художник изобразил, чудовищный рисунок. Карновский окаменел, он не мог пошевелиться и даже не сопротивлялся, когда старуха протянула свои руки к его лицу и начала ощупывать его будто слепая. Что-то было отталкивающее во всем ее облике, мерзкое. И приглядевшись Кастусь понял, что это мерзкое ощущение создается из-за каких-то странных наростов на руках, на шее, на лице старухи. Она действительно была слепая, глаза были затянута чем-то вроде белесой пленки. Она тянула к нему руки, как – будто чего-то прося. И тут Кастусь Карновский снова, впервые за много лет услышал голос. Он понимал, что это только у него в голове, что слышит только он, но теперь он с удивлением обнаружил, что слышит именно голос, а не голоса, как раньше, среди множества их, тогда ему трудно было определить тот, что предназначен именно ему. Теперь он слышал его ясно, и он звал войти его под покров леса, остаться там, стать его частью. Желание это было слишком сильным, чтобы ему сопротивляться, но внутренний инстинкт, инстинкт жизни, останавливал его и не давал двигаться. По мере его сопротивления голос усиливался, он звучал все мощнее, он звал, как будто зовет человек, находящийся в предсмертной муке. Образ старухи исчез. Оцепенение охватившее его спало. Он посмотрел на дорогу и уже не ощутил прежнего страха. Обычная ночная дорога через лес, каких много. И ему вдруг пришла в голову мысль, а чего

ради него пропрется в город в эту гребанную гостиницу, когда может переночевать в домике, который расположен в Долине Семи Дев.

* * *

Приезд Карновского не стал неожиданностью для Лявона Смуткевича. Он почему-то нутром чувствовал, что когда-нибудь Кастусь объявится. Особенно это чувство обострилось после того как в городе произошло несколько убийств. Кто-то убивал молоденьких девушек, всего за шесть месяцев шестерых, т. е. каждый месяц по одной причем, всех в одно и тоже число – 19. Изловить преступника или преступников никак не удавалось, хотя на уши была поднята не только милиция всего города, но и района, а из области прислали группу следователей, которые и взяли на себя расследование этого дела, но пока без видимых результатов. Убийца действовал очень осторожно и хитро и не оставлял никаких улик. Самое главное было в том, что в маленьком городе, где каждый знает друг о друге почти все, никто и ничего не видел. Все убийства происходили по одной и той же схеме: убийца поджидал жертву в какой-нибудь подворотне, чем-то оглушал, затаскивал в машину, где-то за городом убивал, а труп привозил, видимо ночью, в город и оставлял на одной из городских улиц. Насилию девушки не подвергались, телесных повреждений на телах не было и все погибли одинаковой смертью – были задушены шнурком. Лявон расследовал это дело. Он обратил внимание на то, что тела девушек находили в зарослях чертополоха, а ладони были вымазаны пеплом. Потом убийства вдруг прекратились. Прошел месяц, за ним второй, маньяк никак не проявлялся, следственная группа так ничего и не выяснив возвратилась в столицу и дело зависло. Но Лявон был уверен, что на этом все не кончится и убийца снова себя проявит, он просто чего-то ждет. Но чего? И вот здесь Смуткевичу здорово помог монах Казимеш, совсем недавно приехавший в город и живший во вновь открытом монастыре. Собственно, он и был единственным насельником монастыря.

Отец Казимеш сам вышел на Смуткевича, заявившись однажды к нему на прием. Из беседы выяснилось, что некогда Казимеш закончил исторический факультет Гродненского университета, темой его дипломной работы была история культа Друникене. Он обратил внимание Смуткевича на то, что нахождение жертв в чертополохе было не случайным, так как это растение посвящено Друникене. Кроме того, вымазанные пеплом ладони, удушение шнурком, 19 день, все это говорило о том, что девушки были принесены в жертву Друникене с целью воплощения духа

богини в седьмой жертве, которая должна приноситься с пролитием крови. Т. е. следовало ожидать седьмого убийства, и язычники лишь искали или ждали седьмую подходящую жертву. Лявон скептически выслушал монаха. Он и сам давно подозревал, что все эти убийства были совершены на религиозной почве и что в городе действует не одиночка-убийца, а целая группа, но для него это была всего лишь версия, требующая подтверждения. Он спросил у отца Казимеша:

- А зачем они это делают? Чего они хотят?

Монах после недолгой паузы ответил:

- Долгое время ученые не понимали в чем функции Друникене, не могли составить ее родословную, понять за что она отвечает. Откуда вообще взялась. Да и сейчас это не совсем ясно. У меня есть некоторые собственные догадки. Мне думается, что Друникене демон, который способен воплощать грёзы, делать воображаемые миры реальными. Но для того, чтобы пробудить ее силу нужно, чтобы она воплотилась в своей седьмой жертве. Стала сама реальной. Седьмая жертва даст начало Великому Воплощению, когда материализуется не только сама богиня, но и мир, избранный ею. На протяжении многих столетий существования Друни этот обряд проводился не раз, и я подозреваю, что мы врядли сможем знать подлинную историю города, ибо каждый раз реализовывая очередную грёзу остальные начинают ее принимать за действительность. Я оставляю вам книгу вашего друга из которой можно узнать историю города, читайте ее внимательно и вам станет понятно, к чему все идет сейчас.

И монах ушел, оставив Лявону книгу Карновского «Легенды и были города Друни». Из этой книги Лявон помимо прочего вычитал и то, что кроме седьмой жертвы нужен еще и Проводник, который должен быть потомком жреца Друникене, т. е. из рода Яруна. В книге имелась краткая справка о культе Друникене и там упоминалось о двух обрядах, которые назывались Воплощением малым и великим. В чем суть этих воплощений и как происходит сам обряд в книге сказано не было, но конечно же можно было ожидать, что это знает отец Казимеш. Однако Смуткевич, по характеру своему человек крайне недоверчивый и готовый подозревать любого, сразу же заподозрил и монаха. Да и вообще откуда он вдруг взялся в городе? Этот монах. Инспектор установил за ним наблюдение, которое не дало практически никаких результатов, так как он почти не покидал стен монастыря. Оставалось много неясных вопросов, хотя и было уже понятно, что все убийства несут ритуальный характер. Несколько прояснить это дело

мог только специалист и Смуткевич вынужден был теперь уже сам пойти к монаху. Монастырь располагался в самом центре города. Это длинное оранжевое двухэтажное здание в форме буквы Г. Оно вплотную примыкало к костелу святой Терезы, так что монахи могли, не покидая здания монастыря бывать на богослужениях. Длинный монастырский коридор с серыми однообразными стенами был бесконечен. Пока он еще не заполнился благообразными монахами и отец Казимеш был единственным его жителем. Он как будто ждал Лявона. Выслушав Смуткевича монах объяснил инспектору, что вряд ли сможет ему помочь, он лишь смог указать, на очевидные факты, направить его по нужному руслу. Однако он объяснил, что его друг, настоятель храма Архангела Михаила, отец Анатолий, в свое время вместе с ним учившийся в университете, но почему то сделавший выбор в сторону схизмы. Тем не менее отец Анатолий тщательно изучал ритуалы Друникене, и лучше всех знает, что к чему. Но прежде чем к нему идти Лявону стоило бы прочитать монастырскую летопись, где записана подлинная история Друни. Теперь, когда он знает эту историю со слов его друга Карновского, ему стоит познакомиться с тем, что было на самом деле. И он, как человек аналитического ума, без сомнения определить, где истина, а где ложь.

Монах передал Смуткевичу увесистый фолиант. Он советовал прочитать его как можно скорее, тогда ему будет понятно дальнейшее, то что скажет отец Анатолий. За ночь фолиант, текст в котором был написан крупными буквами и по-польски, Смуткевич, хорошо понимавший этот язык, одолел. Действительно история Друни, изложенная там сильно отличалась от той, что была у Карновского, в его книге. Друнь город который позже всех принял христианство. Когда уже обе части и Литва и Польша объединились в одно государство Речь Посполитую, и король единый был и все вокруг веры одной (ну по крайней мере принадлежали к христианству разных конфессий), Друнь продолжала коснеть в своем язычестве. Миссионеры, посылаемые сюда предавались мучительной смерти и многие из них были прославлены как святые. В истории Речи Посполитой большая часть мучеников за веру пострадало именно от друньских язычников. И вот благочестивый король польский Сигизмунд послал в город смиренного и кроткого рыцаря-миссионера Соколовского и он с небольшим отрядом верных воинов Христовых, отправился в город, где с великой кротостью и смирением проповедовал Христа и обратил практически весь город. Однако в Друни оставалась малая группа самых верных и фанатичных сторонников Друнекене, которая продолжала ей поклоняться, несмотря на то, что сами члены этой группы внешне приняли крещение. Поощрял их коснеть в темной вере

последний жрец богини, Ярун. Говорили, что семь его дочерей - красавиц на самом деле злые колдуньи. Жители деревень, находящихся в округе Друни, боялись сестер, твердо веря, что они способны принести страшные беды, если их чем-то обидеть. Ярун с дочерьми жил в доме, который располагался в Долине Семи Дев. С трех сторон долину окружал древний лес. Его называли священным и ходили слухи что где-то в глубине его находится святилище Друникене и там приносят человеческие жертвы.

Отважный воин Христов князь Соколовский, с небольшой дружиной отправился в логово Яруна, чтобы убедить его отказаться от своего нечестия. Однако князь так и не вернулся в город. Спустя несколько дней растерзанные тела воинов князя нашли в лесу, рядом с капищем. А самого князя повешенным на одиноком дереве посреди поля. Здесь история излагалась почти так же как у Карновского, но интерпретация была совсем другая.

Все это навело Лявона на ряд мыслей. Первая была довольно проста: или монахи или Карновский врут, кто-то из них. Смуткевич был абсолютно убежден, что верна только одна версия событий. Не может быть истинными разные версии. Вторая мысль вытекала из первой: зачем это вообще все надо, и зачем это надо было именно Кастусю, какой смысл ему заниматься подлогом, скорее в этом можно было заподозрить монахов. Ну и в конце концов какое отношение имели все эти книжки и истории в них рассказанные, истории, бывшие когда-то давным давно, к современным событиям, к расследованию, которое он вел. За разъяснением он отправился к отцу Казимешу. Монах встретил его во дворе монастыря, он выбивал половик. Отец выслушал откровенные признания Смуткевича о том, что он не доверяет версии изложенной в монастырской хронике. Казимеш не стал спорить с Лявоном, лишь спросил:

- Какой же версии доверяете вы?

- Во всяком случае монастырская хроника не указывает источников, и мы должны верить ей только потому, что она написана монахами, а они врать не будут, так что ли?

Отец Казимеш свернул половичок, положил его себе на плечо и пристально посмотрел на инспектора, как будто пытаюсь понять, что у него на уме:

- Да речь вообще не идет о том, где история правдива. - Он пожал плечами - Неужели вы не поняли? Все версии событий имеют место быть, вопрос не в этом, а в том какие из них уже реализованы, а каким только предстоит реализоваться. Можно сказать, что все это сценарии одних и тех же событий. Но какие

из них подлинные? Вот в чем вопрос

Монах направился к входу в келейный корпус. На самом пороге остановился:

- И в каких из них живем мы с вами? Одно для меня ясно – книга Карновского сценарий нового развития событий, и этот сценарий выгоден поклонникам Друникене.

Смуткевич решил больше не задавать вопросов отцу Казимешу, а обратиться теперь к отцу Анатолию, настоятелю православного храма, расположенного прямо напротив костела.

Отца Анатолия он застал в сторожке пьющим чай с баранками в обществе двух старушек. Старый священник с удовольствием отхлебывал горячий чай с блюдечка и на его широко, добродушном лице изображалось полное блаженство. Он искренне обрадовался гостю, усадил за стол, одна из старушек тут же принесла ему чашку и наполнила ее ароматным чаем.

- Что, про богиню пришел выпытывать? – Хитро подмигнув, спросил отец Анатолий

- Ну да.

- Поди отец Казимеш сказал тебе, что эти шесть убийств подготовительные к обряду Воплощения?

- Да.

- Я не думаю. Это какой-то негодяй девушек убивает, и делает все так чтобы навести нас на мысль о ритуале. Мы будем пытаться найти седьмую жертву, а седьмой жертвы никакой и нет. Этот убийца все делает, таким чудовищным образом, чтобы отвлечь нас от главного: жертв может быть неограниченное количество, по преданиям в былое время могли одновременно принести несколько десятков их. Но все они должны быть принесены только в одном месте – на жертвенном камне в Воображаемом лесу. И только с пролитием крови. Т. е, как я вижу, твоя задача найти убийцу с тем, чтобы предотвратить новые жертвы.

Отец Анатолий отхлебнул чай и откусил кусочек баранки. С треском разжевывая ее он все также хитро поглядывал на Лявона.

- Отец Казимеш утверждает, что Великое Воплощение – это нечто иное, как осуществление новой версии истории, своеобразное воплощение грез человека – уточнил Смуткевич

- Нет, нет – священник замотал отрицательно головой – Не новой версии и никаких грез, Великое Воплощение – это изменение

хода событий, как в прошлом, так и в будущем. Это более соблазнительная и увлекательная вещь – поменять ход истории, так как ты его себе вообразил или захотел, причем в обоих направлениях.

- Поэтому существует столько интерпретаций одних и тех же событий истории Друни?

- Конечно. Каждая новая, изменяет старую, в выгодную для заказчика сторону. События старой версии могут войти в противоречие с новой, но неизменно будут подчинены логике событий тех что открылись.

Отец Анатолий отставил пустую чашку, старушки стали собирать со стола. Лицо его сделалось необычайно серьезным

- Культ Друникене один из самых материалистичных. Богине постоянно нужна живая плоть, она не может существовать вне тел, она не может не питаться человеческой плотью. Когда ритуал не проводится долго, дух богини живет в Воображаемом лесу принимая различные формы, но достаточно на жертвенный камень попасть хоть капли человеческой крови, как она принимает свою новую форму. Чем больше крови, тем больше ее сила, а значит и больше возможности изменить ход событий кардинально.

- Но погодите, ведь каждый излагает свою версию, и, таким образом, вы хотите сказать, что все пользовались услугами Друникене? Даже монахи?

Отец Анатолий встал из-за стола, подошел к стене на которой висели большие часы и начал заводить их ключиком.

- В некотором роде да. – Наконец ответил он. – Всем выгодно иметь именно ту интерпретацию, которая выставит их в лучшем свете и послужит делу проповеди.

- А ваша Церковь в этом участвовала?

- Видите ли, здесь нельзя говорить о Церкви в целом, а лишь об отдельных ее членах, которые соблазнились такой простой возможностью поменять ход событий в свою пользу. Мы здесь появились позже всех, после Польского восстания 1863 года, в котором, кстати, весьма активное участие принимали и друняни, за что потом жестоко поплатились – многие были казнены, многие отправлены в ссылку. После этих выступлений начала проводиться абсолютно другая политика – русификации края, тогда и появился наш храм и по всей Литве и Белоруссии их строили на государственный счет, с тем чтобы постепенно местное население обрусело. Мы жили в великой стране. Нам

не нужно было прибегать к услугам первобытного культа, мы сами могли влиять на события или интерпретировать их так, что это принималось за истину, как бы это не было ложно. И сейчас этими мифами там, в наследнице этой великой страны, живут. Священник устало опустился в кресло, стоявшее около окна. Казалось его лицо, в эти мгновения, постарело на десяток лет. Он устало сложил пальцы правой руки для благословення и Смуткевич покорно принял его.

- Ищите, Лявон, убийцу. Вы должны предотвратить проведение ритуала. Тем более на этот раз сценарий событий написан вашим другом, а он столько нафантазировал! Столько смешал правды и вымысла, да еще много чего сам придумал. Если это все реализуется, нам мало не покажется, события изменяться так, как даже невозможно предвидеть.

Смуткевич встал, чтобы покинуть сторожку, но неожиданно у него возник вопрос, который так и вертелся у него на языке, и он задал его:

- Где же критерий достоверности?

Священник удивленно поднял брови:

- Разве вы не знаете? – он поднял палец указывая на потолок – Критерий – это Он.

- Ну тогда как же быть с Друникене? Вы верите в нее?

Отец Анатолий печально вздохнул:

- Я верю в Господа нашего Иисуса Христа, - он истово перекрестился.

- А Друникене просто есть, веришь ты в нее или нет, но она есть.

- Но, тогда как воспрепятствовать всему этому? Остановить обряд?

Священник на секунду задумался, потом ответил:

- Никак. Обряд неизбежно будет совершен, не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра.

- Но как же Бог все это не остановит?

- А почему Он должен что-то останавливать? Не есть ли возможность остановить право нашего выбора? Столетиями длится история Друни, сменилось множество поколений, но никто не преодолел соблазна остановиться.

На это Лявон ничего не ответил, он попрощался и вышел на улицу, где его ждал холодный ветер и копна листьев в лицо. На следующий день, утром, Смуткевич пришел в управление и начал свой день с просмотра картотеки жителей

города. Он обращал внимание на имена. Ночью, когда дома он пытался уснуть, обдумывая сказанное двумя представителями разной одинаковой веры, ему вспомнилось, что в классе у них были ребята со странными именами, как их называли друньскими. Они были смешными на слух, и одноклассники вечно подсмеивались над их носителями. В его классе было два парня с такими именами: Камунаки и Пероно.

У него ушло два дня и две ночи на просмотр списков горожан, он выявил 60 человек с необычными друньскими именами. День и ночь отсыпался, потом с необыкновенной энергией стал обходить всех 60, надеясь зацепиться хоть за что-то. Долгое время это ничего не давало. На вопрос, слышали что-либо об убийствах, отвечали почти все одно и то же: конечно слышали. Еще бы не слышать – об этом судачил весь город, но знать что-либо о них не знали. Однако больше расспрашивал людей об их семьях, родственниках, знакомых, говорил об истории города. Отвечали большей частью неохотно, по поводу исторических интерпретаций (а Смуткевич приводил всегда вариант монахов), никто не возражал, ссылаясь на то, что не сведущ в этом вопросе и только один старик Тамоний Любавич обмолвился, что в этом больше осведомлен Гумий. Обмолвился и замолчал, как будто испугавшись, что сболтнул лишнего. И на все требования инспектора ответить кто такой Гумий отнекивался. Лявон просмотрел свой список, в нем оказался только один человек с таким именем – Гумий Столярчук. Конечно же Лявон сразу же вспомнил, что это муж их учительницы литературы Марии Петровны, его сразу же насторожил тот факт, что Тамоний сослался на Гумия как на некоего авторитета. Он проверил свою догадку осторожно порасспросив еще несколько человек на тот счет, кто может быть больше всего осведомлен в местных исторических преданиях, все указали на Гумия и Смуткевич отправился к нему. Разговор с ним никакого результата не принес. Гумий был любезен и вежлив, напоил Смуткевича чаем с коньяком, однако на все его вопросы отвечал уклончиво и неопределенно. А когда Лявон назвал его знатоком местной истории просто поднял его на смех, сказав, что он всего лишь читал книгу Карновского на этом его знания местной истории и ограничиваются. И все же Смуткевич установил наблюдение за Гумием. Агент действовал очень ловко, так, что осторожный и подозрительный Столярчук заметил слежку только на четвертый день. Этого времени хватило, чтобы понять: квартира Гумия своеобразный штаб для тех, кого монах Казимир называл «верными». Многие с кем беседовал Смуткевич побывали на Заводской улице, где жил Гумий, не один раз за четыре дня и сложилось впечатление,

что они готовят какую-то операцию. Кроме того, удалось отследить двух посыльных, которые с какими-то поручениями отправлялись в Топилишки к местному старосте. На четвертый день инспектор снял агентов, так как их присутствие было замечено. Но собранной информации было вполне достаточно, чтобы подозревать Гумия в каких-то недобрых делах. Далее Смуткевич решил действовать сам и прежде всего найти в лесу жертвенник.

* * *

Кастусь вполне прилично устроился в доме, предназначенном для гостей Долины Семи Дев. На следующий день он забрал свои вещи из гостиницы и перенес в дом. Здесь было гораздо уютней и спокойней. Слуга приходил каждый день, приносил еду, накрывал на стол и прислуживал Карновскому. Жена слуги, пожилая, упитанная женщина, одетая всегда исключительно в черное платье и белый передник, приходила убирать в комнатах. На все попытки Карновского как-то оплатить труд слуг дома, те неизменно отвечали, что дом принадлежит хозяйке леса и плату следует вносить ей. Кастусь помнил, что хозяйкой леса крестьяне называли Друнекене. Немного освоившись в доме, примерно на третий день своей жизни в нем, Кастусь пригласил Адель в гости. Сделал он это через слугу дома, который обещал попросить старосту послать гонца в Топилишки. К концу дня посыльный вернулся и сообщил, что Аделька завтра утром будет писать этюды в долине и обязательно зайдет в гости к Карновскому. Вечером, этого же дня, когда Кастусь сидел у окна, пил ароматный чай с медом, задумчиво глядел на заходящее солнце и причудливые тени деревьев, в дом неожиданно вошел человек высокого роста, так что ему пришлось пригнуться, когда он входил, плотный, широкоплечий, на вид ему было лет 45, длинные седые усы свисали почти до подбородка, одет он был в белую до колен свитку, такую же белую рубаху с затейливым узором на воротнике и подпоясанную широким поясом, черные порты заправлены в сапоги, а голову покрывала соломенная шляпа, которую он снял и неловко держа в руках представился:

- Витайте, я местный староста, Якуб Копылович.

Карновский пригласил старосту к столу, тот как-то неловко сел на краешек стула, положил перед собой на стол свою шляпу и стал с любопытством рассматривать обстановку в доме. Молчание длилось минут пять, и это уже стало раздражать Кастуся, староста будто почувствовал это и наконец сказал:

- Не советую я вам здесь жить

- Это почему? - такая бесцеремонность несколько задела Карновского

Староста пожал плечами. Он встал, прошелся по столовой, заглядывая в окна и зачем то отодвигая занавески. Половицы под тяжестью его шагов скрипели.

- Вам не нужно здесь быть. - Еще раз повторил он свою фразу

- Это вы говорите мне как представитель власти? - спросил Кастусь

Гость как будто не ожидал такого поворота разговора.

- Нет, вовсе нет. Это скорее совет человека, который знает многие здешние обычаи, - он взял в руки свою шляпу. - Видите ли, каждый, кто здесь останавливался обычно не очень хорошо заканчивал свою жизнь, точнее никто не знает, как он ее заканчивал, так как эти люди просто исчезали

- Бред какой-то! - возмутился Карновский

Но казалось староста даже не заметил его реплики

- А потом все менялось вокруг, - продолжил он свою мысль. - Уже не раз. Мы, живущие здесь, остаемся прежними, но все вокруг нас меняется. Так что уезжайте, мой вам совет

- Хорошо, я услышал его. - Сухо ответил Кастусь, давая понять, что разговор он дальше продолжать не хочет. Копылович пожал плечами, надел шляпу и уже открыв дверь, стоя на пороге, сказал:

- Я бы мог вас отсюда выселить, как представитель власти, но это не поможет. Это должно быть ваше решение.

Он ушел. Кастусь уселся в кресло, и уставился в окно. В голове никаких мыслей. За окном все тот же лес. Кто-то робко постучал в дверь, Кастусь отозвался: «Там открыто, войдите!» Но никто не входил и через некоторое время снова постучал, это немного раздражило Карновского, ему не хотелось вставать, но пришлось, со словами: «Ну кто еще там!» направиться к двери. Путь преодолел скоро и открыв дверь тут же погасил разливавшееся уже было в нем раздражение. На пороге стояла Адель, будто ощущая его только что, еще не угасшее чувство раздражения, виновато улыбалась, готовая тотчас уйти. Через плечо у нее висел этюдник. Одетая она была чудно: в алое платье, а плечи покрывала черная накидка, подбитая также алым бархатом. Лицо ее как - будто лучилось и было особо прекрасно в этот момент. Так и хотелось ее поцеловать в такие же, как платье и подбойка накидки, алые губы. Кастусь

несколько растерялся, повисла неловкая пауза, но тут же нашлась сама Адель, прервав ее, может быть излишне наиграно, веселой фразой:

- Не ждали! А вот я взяла и пришла.

- Да, да, конечно. – Смутился Кастусь и пустил девушку в дом

Собственно он хотел одеть пиджак, ему показалось, что на улице задул холодный ветер, но Адель уже вошла, с любопытством разглядывая обстановку и выгонять ее на улицу не было никаких резонов.

- У вас здесь уютненько. – Заметила она

- Ну я в этом не виноват, все сделали еще при прежних хозяевах.
– Пожал плечами Кастусь

- Ну пойдемте быстрее к лесу, пока солнце в зените и освящение такое какое мне нужно. – Заторопилась она

И они вышли из дома, вступив на пыльную дорогу, ведущую к лесу через долину. Адель выбрала место для написания очередного этюда в тени леса, слишком близко к нему, что немало удивило Кастуся, так как он полагал в таком близком расстоянии невозможно написать общий вид, но Адель именно этим занялась, да так тщательно выписывала лес, как будто видела его с большого расстояния, а не стояла прямо перед ним. Внезапный ветер поднялся с юга. Теплые струи его приятно ласкали лицо и руки, но он становился все сильнее и, наконец, превратился в вихрь, поднимающий клубы пыли с дороги. Девушка стала собирать этюдник, беспомощно защищая руками свою картину от налипавшей на нее пыли. Ее алая накидка, развевалась за спиной как флаг. Кастусь кинулся ей помогать, но ветер еще больше усилился, почти сбивая их с ног и им ничего не оставалось, как укрыться под сенью деревьев, переступив границу отделяющую лес от долины. Карновский не сразу и сообразил, что увидел, а именно: плотный слой удивительно белого снега покрывающий землю, он искрился в лучах солнца, падающих сквозь ветви деревьев, будто в него были вставлены иголки серебра. Тени от деревьев и их ветвей создавали таинственный полумрак. Конечно же все это было каким-то наваждением, Кастусь встряхнул головой и видение исчезло – перед ним обычный лес, с густым подлеском и над головой крыша из листьев сквозь которую пробивается все солнечный свет, меняющий свою окраску от желтого на зеленый из-за хлороформа, содержащегося в этих тоненьких листовых пластинках. Адель осторожно коснулась его плеча и тихо спросила:

- Ты видел это?

- Что? – Будто не понял он и повернулся к ней. Она смотрела испытующе, как бы даже опасливо, подозревая что Кастусь вряд ли есть человек. Наконец снова спросила:

- Мы видим одновременно тоже самое?

- А что видишь ты?

- Я видела сначала лес зимой, а теперь обычный, каким бывает он летом

Они помолчали, но пока смотрели друг на друга, стоя лицом к лицу, не заметили перемен, произошедших с лесом. Листья на деревьях пожухли и опали, устлав поверхность земли внутрь глубины, которой, настойчиво проникали их корни. В воздухе пахло осенней сыростью, было немного зябко, но не холодно. Теперь в густоте леса они ясно различали тропу, ведущую куда-то в его глубь, и убедившись в том, что видят тоже самое одновременно, пошли по ней.

Руки их соединились и Кастусь вдруг ясно осознал, как за эти два дня дорога ему стала эта девушка и он даже спросил у нее:

- Ты чувствуешь тоже самое, что и я?

Она остановилась и приблизилась к нему, теперь соединились не только их руки, но и губы. Долгий, жадный поцелуй на одно мгновение обжог обоих, он и был ответом на его вопрос. Кастусь крепко прижал Адель к себе и она всем телом старалась слиться с ним, глядя в его открытые глаза, а он в ее, и в них он увидел полумрак места, окруженного плакучими ивами и ту старуху, что встретил тогда, ночью на дороге. Он отшатнулся, видение неприятно поразило его, но в тоже время было в нем что-то тягуче-возбуждающее, даже приятное.

Оба они осторожно продолжили свой путь по тропе. Тишина, царящая вокруг, давила, она была почти осязаема, ощутима и странно, что ничто ее не нарушало: любой звук исчезал в густоте леса. И снова лето. Тропа потерялась в густо разросшемся подлеске. Как будто этой тропы никогда и не было. Они потеряли направление пути и жалкими взглядами окидывали окрестности сплошь зеленые из-за обилия буйно разросшейся листвы.

Кастусю показалось, что его кто-то окликнул позади, от резкого движения вправо, чтобы посмотреть кто там, свело мышцы в шеи, но он устоял от соблазна не видеть, того кто его звал, но обнаружив видимое обомлел. Перед ним метрах в десяти стояла Мария Петровна. Такая же какая была она в пору его юности.

Обретя свою учительницу, Кастусь тут же потерял Адельку, так как повернувшись обратно, в ту плоскость, где пребывала девушка рядом с ним, он обнаружил, что уже не держит ее за руку и ее вовсе нет. Кастусь растерялся. Что делать он не знал. Объект его юношеских вожделений и его раннего плотского пробуждения был теперь рядом с ним. То, что в пору его безусой юности было недоступно и что в силу своей моральной ограниченности он скрывал и прятал от самого себя, теперь было перед ним. И очевидно само хотело осуществление его самых прикровенных и давних, прятанных где-то глубоко внутри него желаний. Но он теперь медлил. Тогда, очень давно, в те моменты, когда он, беседуя с Марией Петровной, вдыхал ее аромат, украдкой подглядывая в ту ложбинку, которая образовывалась между двумя женскими бугорками, они у Марии Петровны были такие изящные и аппетитные, что это было видно даже сквозь плотную материю платья: упругие, круглые, почти сферические и соски всегда прямо торчали, обозначаясь небольшими овальными кнопочками. Она теперь была здесь. И то юношеское воображение, которое так сладостно представляло ее в его сознании и выливалось во снах в дикие, необузданные оргии могло вполне реализоваться, так как запретное, как казалось, ушло, а необходимое, желанное могло совершиться. Он приблизился к ней на несколько шагов и уже протянул руку, чтобы потрогать то, что всегда подспудно хотел осязать в юности, но одернул их, вспомнив Адель. Любовь, чувство только что народившееся, не давало воли его вырвавшейся на свободу фантазии, ничем не сдерживаемой кроме этого доброго чувства. Тотчас исчез образ Марии Петровны. Теперь он один шел по тропе, и снова по осеннему лесу. Тропа обрывалась у крутого ската оврага, прорезающего лес поперек. Ступеньки, вырубленные в глинистой поверхности ската, вели на дно оврага к деревянному помосту, где Кастусь видел четыре фигуры. Он спустился вниз: троих Карновский сразу узнал, они стояли рядом друг с другом, слева Мария Петровна справа Адель, а в центре та самая старуха, теперь в образе Черной Дамы с откинутой вуалью и морщины на ее лице, как некие шрамы, были ужасны. Спиной к нему стоял четвертый, в таком же алом плаще, как и Адель. Почувствовав присутствие Карновского он повернулся к нему лицом: это был мужчина с черной, окладистой бородой, совершенно лысый. Его зеленые глаза пристально смотрели на Кастуся, уголок кривого рта чуть подергивался и когда он открыл его, чтобы сказать фразу, он еще больше искривился, придав лицу свирепое выражение. Он сказал:

- Я, Ярун, служитель Друникене. Ты - мой потомок и наследник

моего служения. Возьми ту что тебе дорога.

Жрец отступил в сторону, склонив голову и указав на Марию Петровну и Адель. Каменное лицо старухи было непроницаемо. На этот раз Кастусь недолго колебался со своим выбором и взял за руку Адельку, которая никак не выразила своего чувства по этому поводу, обе они, и его бывшая учительница и Адель, будто спали с открытыми глазами. И взяв за руку свою любимую он услышал глухой голос старухи, которая разомкнула свои уста:

- Идите обратно по той тропе, что пришли сюда. Теперь она выведет вас в новый мир.

Они пошли и все было хорошо, и тропа была чиста и времена не менялись и они уже думали, что спокойно выйдут из леса и вернуться домой и все будет по-прежнему. Только Кастусь не знал, как по-прежнему, и возможно ли это – жизнь так как была. Он теперь ничего не знал. Но тропа вывела их к большому плоскому камню, серому и бугристому, похожему на брачное ложе, ждавшее их долгие века. Здесь тропа уже никуда не вела, только к камню, расположенному на большой полянке со всех сторон окруженной лесом.

* * *

Шел дождь и ветер ломился в маленькое оконце келии отца Казимира. Ночь господствовала снаружи, наполняя собой все пространство улицы тьмой. Монах Казимир молился перед распятием, вырезанным из добротного куска самшита, и стук в окно для него стал неожиданностью. Он вздрогнул как будто его застали за неприличным и неподобающим его сану делом. Стук повторился. Отец Казимеш оставил молитву ради блага того путника, что стоял сейчас за дверью и настойчиво стучался к нему. На пороге стоял отец Анатолий. Поверх старого белого, от времени ставшего немного сероватым, подрясника, на нем было одето пальто. Его мокрые от дождя волосы были рассыпаны по плечам, а не как обычно собраны хвостом на затылке. Священник не спрашивая разрешения вошел в келию отца Казимеша и уселся в кресло перед ярко пылавшим огнем в камине – вечером, даже летом, монах немного протапливал комнату, толстые стены древнего здания плохо сохраняли тепло. Отец Анатолий был явно чем-то расстроен. Он без приглашения сел за стол, стоявший в самом углу комнаты и стал с жадностью пить чай с пышками, посыпанными сахарной пудрой, предназначенными для скромной вечерней трапезы монаха. Отец Казимир со спокойным равнодушием смотрел на священника, уважая в нем сан и друга и не смея остановить его пищевую алчность. Он справедливо полагал, что к этому

есть причины и утолив свою не сытость, отец Анатолий все объяснит. Так и произошло – съев все что было на блюде, а там было ровно три пышки, и выпив весь приготовленный чай, отец Анатолий наконец откинулся на спинку кресла, и с удовольствием поглаживая свой округлый живот, сказал:

- Казимеш, нам надо остановить все это

Монах не сразу и сообразил, о чем ему говорит его собрат.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду все то что нам говорил Смуткевич, про убийства и прочее. Все это вымысел. Тебе не кажется, что он живет в собственном воображении?

- Не понял. – Недоумевал монах

- Я после его посещения полистал подшивку нашей районной и городской друньской газеты «Денница» за последний год и даже упоминания не нашел о каких-либо загадочных ритуальных убийствах

Монах сел на стул с противоположной стороны квадратного стола

- Ну правильно, а какие там могут быть упоминания, это же газета – беспомощно попытался возразить он батюшке, но тот был настойчив

- Вот именно газета. А для прессы убийства самая лучшая тема. Но это не самое главное. Я еще навел справки – посетил местное отделение милиции и мне знаешь что там сказали?

Отец Казимеш с опаской посмотрел на него, как будто ожидая какого-то страшного известия или удара в лицо, вообще любой неожиданности.

- Не было никаких таких убийств за последнее время, да и раньше они такого что-то не припомнят

- Т. е. ты хочешь сказать, что это все часть воображения нашего Кастуся Карновского – начал догадываться Казимир

- Вернее часть его мира, скорее всего Лявон каким-то образом стал жить его образами. Но дело не в этом, а в том, что нет никакого ритуала, не бывает никаких жертв, есть только одна, которая должна попасть обязательно в воображаемый лес, логово Друникене

- Значит, кто-то – кого мы не знаем?

- Мы его знаем. И он уже на пути в лес или уже в лесу.

Страшная догадка поразила все существо монаха. Не сговариваясь они вместе вышли в ненастную ночь и мимо костела направились вон из города в сторону леса, туда где сейчас вершилась дальнейшая судьба города. Действия их были бессмысленны и нелогичны, ибо каждый понимал, что ритуал уже начал осуществляться каким-то и власть Друникене все больше охватывает город. Путь их лежал к Топилишкам. Приблизившись к селу им нужно было найти дом старосты. Только он мог привести их к месту жертвоприношения. В воздухе, казалось, пахло грозой, но небо было чистое и ярко светило солнце, природа была умиротворена, но оба, причастные к священному, человека чувствовали, что нечто страшное уже начало осуществляться, нечто, что изменит их мир так, что в нем, возможно, им не будет места.

Якуб Копылович как будто ждал их, верно чувствуя их приход. Он стоял на пороге своего дома, обмахиваясь от жары своей соломенной шляпой. Оба, и монах, и отец Анатолий, знали старосту, тот был исправный прихожанин и регулярно ходил сначала в православный храм, а когда открыли костел то и в него. Его двоеверие, вполне подходило им для такого случая, казалось он мог все объяснить или во всяком случае понять. И отец Анатолий, и отец Казимешь знали, что в Топилишках род Копыловичей испокон веков занимали должность главы администрации этого маленького села, а власть в ритуале играла какую-то особую роль. Якуб не стал медлить и приглашать в дом пастырей, он на голову надел свою шляпу и отправился в дальнейший путь, староста знал самую короткую дорогу через лес к жертвенному камню.

По дороге он рассказал отцам, что священный лес или как его иногда называли воображаемый уже в христианское время несколько раз вырубался, но всякий раз вырастал снова, еще лучше прежнего. И никогда не удавалось найти того самого места, где был камень, на котором приносилась жертва, будто оно неожиданно и бесследно исчезало, как только вырубался лес. Словно камень мог существовать лишь в его окружении. Они шли, и бархатистая трава ложилась вдоль земли под их тяжелыми шагами. Староста, как проводник впереди, отцы за ним. Общую группу замыкал отец Анатолий, и он на правах православного, т. е. человека, принадлежащего к истине, рассуждал вслух. В полголоса, но так что отец Казимир слышал его:

- Если это осуществление, то не кажется ли вам, коллега, что оно, возможно, будет не в нашу пользу? Я хочу сказать, тот в Кого мы верим будет ужасен, при проявлении этой формы?

Отец Казимир даже остановился, услышав такое, как ему показалось, кощунство из уст священника.

- Да вы гораздо блудливее нас в вашей вере. – Наконец произнес он и продолжил – Неужели вы думаете, что это будет Его выражение, неужели вы можете допустить такую мысль?

Отец Анатолий хитро прищурился и парировал:

- Это вы меня язвите? Вы, представитель той стороны, которая вечно пользовалась этой силой в свою пользу, даже не задумываясь о богословском оправдании таких деяний. Я же всего лишь задал вопрос относительно того, как вы можете совмещать это с верой в Того кого мы оба признаем как своего создателя.

Староста во время их разговора подозрительно косился на них, наконец и сам вступил в разговор:

- Отец Анатолий хочет сказать, что Друникене это проявление Божией силы?

Батюшка задумался. Было видно, что его борют некие страсти или точнее думы. Те думы, которые его давно и долго мучили. И он, зная что не согласовывается со своей верой, хотел озвучить их хотя с другой стороны он не видел противоречия и в этом был его ужас и не совпадение с общим делом.

- Думаю это не зло, - наконец ответил он.

- Т. е проявление этой силы есть благо? – в голосе монаха был сарказм

- Это просто проявление Божией силы, это Его благоволение. – в сказанном была уверенность убежденного человека. Отец Казимеш лишь скептически улыбнулся, отвечать было некогда – они вышли на поляну и видели Адель и Кастуся, застывших в объятьях друг друга посреди поляны, рядом с плоским камнем.

Смуткевич достал из ящика комода старый добрый парабеллум, подаренный еще дедом на его, Лявона, совершеннолетие. Пистолет был завернут в тряпочку и развернув его Лявон погладил любовно вороненую сталь. Затем сунул его в кобуру спрятанную под полый пиджака.

Он вышел на улицу: план его был прост – взять Гумия, а он не сомневался в его вине, пускай ведет к месту, где они приносят свои жертвы, и там всех схватить тепленькими. Добиваться сейчас ордера на арест, слишком большая морока, а Лявон чуял, что уже близок момент, когда они попытаются осуществить задуманное. Гумия он встретил на улице, рядом с его домом. Он выносил мусор. Смуткевич дождался пока тот

высыплет и прямо, неожиданно, подошел к Гумию и приставив пистолет к его правому боку велел вести его к нему в квартиру. Кажется, тот не удивился вовсе, будто ждал, чего-то в этом роде, но высказался, строя из себя недоумевающего и будто он совершенно здесь не причем, мол куда вести. Лявон велел ему не шутить, заявив, что ему все известно и нет смысла отпираться. Гумий посмотрел ему в глаза, прямо и открыто (как только умеют преступники, подумал Смуткевич) и выразился как в старых интеллигентских фильмах: «Извольте». Он понял все, как показалось самому Лявону, отпираться не стал, а это очевидно выявляло его вину, однако Гумий возразил на его мысли:

- Я отведу вас к камню, его местоположение знает любой школьник

- К какому камню? – Не понял инспектор

- Где по преданию, в древности приносились жертвы Друникене

- Почему приносились? Вы хотите сказать, что вы сейчас их не приносите?

Гумий расхохотался, смех его был очень заразительный, так что сам Смуткевич стал опасаться, как бы не рассмеяться, тем более с детства был очень смешливый. Столярчук перестал смеяться и спросил:

- Вы всерьез полагаете, что вера в Друникене жива и ей до сих приносят человеческие жертвы?

- Я следил за вами и понял, что вы в этом участвуете и те убийства, ваших рук дело

- То, что ко мне приходят люди еще ничего не значит, мы просто собираемся у меня, такие же как я любители местной истории, читаем, обмениваемся мнениями и информацией, хотите и вы присоединяйтесь к нам? У меня как раз сегодня в два часа очередное заседание.

Смуткевич задумался. Собственная эта неплохая мысль – взять их всех вместе.

- А потом мы ходим к камню – Гумий еще один аргумент привел
- Как на такую экскурсию. Вы же хотите все видеть, правда?

Лявон убрал пистолет, и они вместе с Гумием Столярчуком пошли к нему на собрание. В квартире Гумия было накурено. Сизый табачный дым стоял под потолком и почему-то не выветривался. Нигде не было видно жены Гумия, т. е. школьной учительницы литературы Лявона Смуткевича. Зато квартира

была наполнена всякими людьми, у которых, как это помнил Лявон, были странные друньские имена. Все эти комонии и прочее были одеты на удивление одинаково, как будто собрались на какой-то обряд и это тоже удивило Лявона. Впрочем, сказать одеты, наверное, было нельзя, так как из-за того, что внутренние одежды скрывали накидки ало-черные (черных верх, алый низ), а на головы накинута капюшоны. Все они глухо разговаривали совершенно, не обращая внимание на появившегося среди них инспектора и Лявон прошел в зал обставленный очень торжественно в том смысле, что здесь были постелены красные пушистые ковры и ничего не было из мебели и прочего, что украшало обычный дом ничем, кроме своего собственного благополучия, не озабоченного человека. Но посреди зала стояло что-то вроде аналоя, на которой лежала раскрытая книга. Смуткевич подошел к аналою, никто ему не препятствовал. Он посмотрел название книги, это были «Легенды и были Друни» Карновского, книга была открыта на той главе, где рассказывалось о таинственном инспекторе. Она называлась «Проводник». Лявон читал книгу и этой главы там не помнил, ему стало интересно, и он начал читать, не замечая, что делает это вслух и все внимательно слушают его. Станным образом, то, что там было описано было похоже на все его собственные действия в последние несколько недель по расследованию загадочных убийств девушек. Правда все заканчивалось на том моменте, как они с Гумием идут к нему домой на собрание общества любителей местной истории. Смуткевич дочитав до этого места остановился и с непониманием уставился на лист бумаги, где явно еще оставалось пространство для написания еще чего-нибудь. И действительно, как будто водимые невидимой рукой начали появляться буквы, складывающиеся в слова и он прочитал, опять вслух причем, хотя никто его об этом и не просил: «И они набросились на него, схватили его, связали руки и повели в фургон, стоящий у черного входа в дом». Он дочитал и эти люди действительно набросились на него, он даже не успел выхватить пистолет, о котором знал Гумий, и тот перво наперво ловко подскочив к нему, ловко вынул пистолет. Лявону крепко связали руки, завязали глаза и повели. Они спустились по лестнице, со скрипом открылась дверь и его втолкнули вглубь какого-то тесного помещения, как он понял в закрытый со всех сторон кузов, какого-то фургона, где пахло сырой рыбой и шинами.

Он лежал в полной темноте, слышал как урчал мотор машины и как она подпрыгивала на ухабах. Их этого Смуткевич заключил, что они где-то уже за городом и едут не по шоссе, а по старой мощенной дороге, той, что ведет через лес. Ехали, по его

ощущениям, около получаса, наконец машина остановилась. Хлопнула дверца, заскрипел гравий под ногами водителя и звякнул замок от кузовных дверей, где лежал плененный инспектор. Чьи-то сильные руки подхватили его и извлекли наружу. Здесь с глаз его сняли повязку, но рук не развязали.

Лявон увидел Гумия, который нагло, как ему показалось, улыбался, глядя на него. «Чего это он лыбится» - подумал Смуткевич, а в слух сказал:

- Развяжите меня!
- Еще чего. - Спокойно отверг его требование Столярчук и успокоил, - Вот придем на место, тогда и развяжем
- Убийцы! - в возмущении воскликнул Лявон и плюнул под ноги
- Да бросьте вы, не было никаких убийств. - С некоторой досадой сказал Гумий
- Это как так! - Изумился Лявон
- Все ваше воображение. Точнее вашего школьного товарища, Карновского. Вы же только недавно читали книгу и видели там главу, где описано ваша история точь-в-точь, как это может быть?
- Но прежде я ее не помню. - Засомневался Смуткевич
- Правильно, вы ее не помните, потому что из всех ваших подозрений относительно нас, верно только одно - мы действительно последние поклонники Друникене и беспрестанно молились ей и провели специальную церемонию, которая называется Поглощение, чтобы мир, придуманные, а он именно придуманный, Кастусем Карновским, воплотился. Церемония Поглощения часть ритуала Воплощения, она нужна для того, чтобы выявить Проводника, т. е. вас. Вы полностью восприняли мир Карновского как правдивый, в той его части, которая касается лично вас, поэтому и не помните главы в книге, вы просто ее проживаете в собственном уме. Для вас это стало реальностью. Лявон Смуткевич слушал Гумия внимательно. Он не верил ему, но слова Столярчука его смутили. Ему пока было нечего ответить, он поглядел по сторонам в поисках возможности бежать, однако Лявон был связан, а со всех сторон его окружали сообщники Гумия, общим числом пять. Наконец они начали свой путь вглубь леса и Лявон решил - будь что будет, главное добраться до места, где они приносят жертвы и там уж он найдет способ разобраться во всей этой ситуации. Они шли узкой тропой, друг за другом. Деревья тесно смыкались, оставляя малое расстояние между собой. Толстые стволы их

были покрыты серой и коричневой корой, кроны находились высоко над землей в своей тяге к солнцу преодолевая большое расстояние вверх. Сложно было определить к какой породе они относятся, но их близость к тропе и к людям шедшим по ней, пугала, деревья казались живыми.

Сначала шли молча, но Гумий, как будто отмечая какие вешки или думая только одному ему известную мысль остановился и вместе с ним, как по команде все его спутники. И он, обращаясь к Лявону, сказал:

- Знаете кто он, Проводник?

- Нет, - замотал головой инспектор, уже проникаясь серьезностью ситуации и даже воспринимая свою роль всерьез

- Это просто человек, который смотрит

- Все смотрят. - Пожал плечами Лявон

- Это да, - усмехнулся Гумий. - Но не все видят одно и то же, в этом суть. И в данном случае это часть ритуала - будет то, что увидит Проводник, т. е. вы

- Это так важно?

- Ну конечно! То, что увидите, то и будет, это один из элементов ритуала

Гумий продолжил движение по тропе. Лявона разбидало любопытство:

- А остальные элементы?

- Ну они также уже на пути в лес: жертва, жрец, свидетели и власть

Смуткевич ничего не понял из сказанного Гумием, но спрашивать больше ничего не стал. Он искал возможности освободиться, не подозревая даже, что свобода его уже близка. Наконец деревья расступились, открывая широкую поляну, посреди которой находился большой совершенно плоский камень. На камне стояли Кастусь и Адель. Руки Адельки лежали на шее Карновского, она пристально смотрела ему в глаза. По другую сторону поляны, из лесу вышли и в нерешительности остановились отец Анатолий и монах Казимир в сопровождении старосты. Лявон огляделся, надеясь, что ему удастся бежать. Но странно, как-то ему показалось, что его сопровождающие ничего как бы и не видели. Их взгляды были устремлены на него. Они боялись, что он сбежит и даже некоторые из них схватили его за руки, как будто желая удержать его, не выпустить, и алчно всматриваясь в его глаза. Между тем Лявон

посмотрел на влюбленную пару и ничего особенного не увидел: сначала они неподвижно стояли смотрели друг на друга и глаза их были полны любви. Потом руки их сплелись, тела и лица приблизились, жаркий поцелуй запечатлелся на устах друг друга. Скромный Лявон смущенно отвернулся, Гумий, все время внимательно наблюдавший за ним потупился, его товарищи отпустили Смуткевича и все они ушли в лес, оставив инспектора на поляне одного. Он растерянно оглянулся и не увидел больше никого, ни Адели, ни Кастуся, ни священнослужителей, ни язычников. Поляна была пуста, только плоский камень посреди нее. Лявон подошел ближе и увидел в небольшой лунке пятно запекшейся крови. Или ему так показалось, может это просто пигментное пятно, причудливое сочетание слюды и кварца, кто знает. Он растеряно оглянулся и пошел наудачу, по первой подвернувшейся тропе. Впереди было солнце и лес, но он знал куда бы не повернул обязательно вернется домой, так как все пути ведут в мир обустроенный человеком и принципами его жизни в этом мире. Сначала отец Анатолий и Казимиш видели тоже самое что и Смуткевич – страстное объятие и поцелуй Кастуся и Адели, запечатленный одинаково желанно и беззаветно, как будто влюбленные не видели ничего вокруг себя и чувствовали себя совершенно одни в этой среде леса и травяных растений, состоящих из мощных стеблей багульника, резеды, чертополоха и кипрея. Но потом, и первым это заметил отец Анатолий, и в этом ему видимо помогло то, что он принадлежал к правой вере, Кастусь изменился. Он по-прежнему был мил, улыбался широкой улыбкой, но отстранившись от Адели, крепко прижимая ее к своей груди правой рукой, левой (и отец Анатолий, как знаток ритуала жертвоприношения Друникене, знал, что именно так и надо), достал из кармана брюк ритуальный нож и на мгновение взглянув на священника, нанес Адели разящий удар в горло. Кровь брызнула и стекла струей на камень, девушка дернулась в конвульсиях и упала, волосы ее разметались, глаза остекленели – она была мертва. Ни староста, ни отцы ничего не могли сделать, отец Казимиш ринулся было на помощь, но как бы быстро он не бежал, не успел бы остановить Карновского. Кастусь Карновский помнил лишь этот поцелуй, но после него Аделька внезапно отпрянула, вырвалась из его объятий и, засмеявшись, побежала к лесу. Кастусь не сразу сообразил, что нужно делать и кинулся за девушкой, когда она уже почти достигла деревьев и скрылась в лесу. Он также вступил под кроны деревьев, но как не искал свою возлюбленную найти не мог. К вечеру он вышел на дорогу, ведущую в Друнь. Зашел к Смуткевичу, того не оказалось дома. Затем побывал в гостинице, собрал вещи и отправился на автовокзал - он еще успевал на

последний автобус до Минска. Было ему как-то грустно и одиноко. Усиливалось это чувство еще и тем, что и на вокзале народа почти не было, лишь какая-то девушка в зеленом платье сидела на скамейке и читала книгу. Он никак не мог понять куда делась Адель? Может это всего лишь продолжение его сна? До отправления автобуса оставалось полчаса и Карновский стоя под навесом рассеянно смотрел по сторонам. Взгляд его упал на девушку, и он подумал: «До чего же она похожа на Адель!» Та же фигура, профиль, волосы уложены как у нее, даже платье такое же. Он подошел к ней и назвал по имени: «Адель?» Девушка отложила книгу и удивленно посмотрела на него. Она действительно была очень похожа на Адельку, но все же это была не она: глаза немного, раскосые, лицо вытянуто, немного припухлые губы, волосы более темные, да и платье совсем другого покроя. «Нет, я Амалия, вы ошиблись» - ответила она и улыбнулась. В ее глазах было любопытство. «А я вас узнала, вы Карновский» - сообщила она и показала ему заднюю обложку книги, которую читала, на ней красовалось его фото - это была его книга о Друни. Они разговорились, через десять минут подали автобус и там весь путь до столицы, все два часа, они без умолку говорили, как будто зная друг друга вечность. Выяснилось, что Амалия студентка последнего курса филфака, пишет дипломную об особенностях местных говоров и вот приехала сюда собирать материал. В Минске они уже расстались друзьями, называя друг друга на ты. Потом еще не раз встречались, под действием Амалии Кастусь стал собирать материалы ко второй части книги о Друни и с энтузиазмом принялся за ее написание. Мало того крупное столичное издание заинтересовалось второй частью книги и пообещало переиздать и первое, выплатив автору солидный аванс. Через год после встречи Амалия и Кастусь поженились. Они очень счастливы. Иногда по вечерам Амалия листает книгу Карновского и всегда останавливается на той иллюстрации, где современный художник изобразил дочерей Яруна. Она со смехом указывает на старшую и спрашивает Кастуса: «А ты не находишь, что она похожа на меня?» Муж хмурился, отрицательно мотает головой, но понимает, что действительно похожа, как и все остальные.

Со дня Великого Воплощения в городе больше никогда не видели Лявона Смуткевича. Говорят, его перевели в Гродно, на повышение. Кто знает? Может такого человека вообще не было. В Друни его не помнят.

Отец Анатолий служит теперь ежедневно. Он стал усердный молитвенник и пользуется известностью как старец, к нему за советом и утешением приезжают из далека. Монах Казимир

занимается обустройством монастыря. Пребывает все новая и новая братия и он пока поставлен над ними настоятелем. Однажды отец Казимеш встретил на улице Гумия, тот куда-то спешил, но увидев монаха остановился и, кажется обрадовался ему. Они поприветствовали друг друга

- Что-то изменилось? – спросил монах

- А разве нет? – вопросом на вопрос ответил Гумий

И они расстались, каждый идя своей дорогой.

* * *

Мир Друни был замкнут: лесом, пространством полей, валунами. Сама Друнь центр этого мира или загнанный в угол монстр с опаской поглядывающий в сторону леса, который хранил тайну его происхождения и знал его судьбу. Деревушки, попадавшие в круг влияния города, были немногочисленны и очень малы. Как правило их населяли потомки пришельцев с запада, смиренные, запуганные, отчасти знавшие тайны леса и ненавидящие Друнь. У них не было выбора, предки не оставили им его, поселившись в круге Друни много веков назад. Они как будто попали в паутину из которой им не суждено было выбраться.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>